

ДМИТРИЙ ЛЕСНОЙ
ПИСАТЕЛИ
ЗА КАРТОЧНЫМ
СТОЛОМ

Дмитрий Лесной

Писатели за карточным столом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68933619

SelfPub; 2023

Аннотация

Русская литература XIX века пронизана темой карточной игры: «Пиковая дама» Пушкина, «Игроки» Гоголя, «Маскарад» Лермонтова, «Игрок» Достоевского, «Преферанс и солнце» Некрасова – это только краткий список произведений, герои которых проводят время за карточным столом. Но откуда авторам были известны правила и термины игр, возникающие в процессе ситуации и даже используемые шулерами приемы? Об этом не принято было говорить, тема эта мало изучена, но Державин, Пушкин, Крылов, Достоевский, Белинский, Кульчицкий, Некрасов, Григорьев, Салтыков-Щедрин, Толстой, Буковский знали о карточных страстях не понаслышке, поскольку сами являлись заядлыми игроками. В книге собраны документальные свидетельства современников о поведении писателей за карточным столом, их игровых пристрастиях, отношении к понятиям чести и долга. Знакомство с этими интереснейшими материалами позволяет читателям открыть для себя русских классиков с новой стороны...

Содержание

Предисловие	5
Державин, Гаврила Романович	7
Пушкин, Александр Сергеевич	22
Андрей Битов о Пушкине-игроке	45
Лермонтов, Михаил Юрьевич	58
Тамбовская казначейша	62
Крылов, Иван Андреевич	68
История о басне «Волк на псарне»	72
Достоевский, Фёдор Михайлович	75
Письма жене	80
Духовная сторона лудомании[1] Достоевского	95
Евгений Витковский об отношении	100
Достоевского к преферансу	
Некрасов, Николай Алексеевич	103
Толстой, Лев Николаевич	110
Белинский, Виссарион Григорьевич	121
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Дмитрий Лесной

Писатели за карточным столом

*Посвящается памяти Евгения Владимировича
Витковского, научного редактора энциклопедии
«Игорный Дом», вклад которого в подготовку
материала для этой книги неоценим.*

*Что ни толкуй Вольтер или Декарт,
Мир для меня – колода карт,
Жизнь – банк: рок мечет, я играю.
И правила игры я к людям применяю.*

(Лермонтов. Маскарад)

*«...На сумрачные лбы поэтов знаменитых,
Которым в пот и кровь обходится игра».*

(Бодлер. Игра. Из сборника «Цветы зла»)

Предисловие

Я игрок. Было время – гордился этим, научился хорошо играть в несколько игр: преферанс, деберц, нарды. Доставил, правда, много хлопот и огорчений своим родителям – от отца то и дело слышал: «Вот выгонят тебя из университета с волчьим билетом». Пользовался уважением в игровых кругах – почти за полвека профессиональной игры ни разу не задержал платежей, никому не был должен, не скрывался от долгов.

В зрелом возрасте всё чаще стали одолевать сомнения: на что потратил свой талант и столько времени! Искал моральных оправданий себе и своему ремеслу.

И, кажется, нашёл! Стал собирать игроцкие биографии великих. Обнаружил, что не один я такой, «запутавшийся в сетях порока». Изучал игру как феномен духа. Нашёл замечательных учителей в лице Йохана Хёйзинги («Homo Ludens. Человек играющий»), Дмитрия Сергеевича Лихачёва, Михаила Афанасьевича Булгакова, Варлама Тихоновича Шаламова, Владимира Константиновича Буковского.

Когда-то в поезде Москва – Ленинград мой старший друг и наставник Ролан Быков, которому я рассказывал одну из своих игроцких баек, очень серьёзно сказал:

– Мы с тобой – современники! Мы обязаны оставить свидетельство!

Эти слова до сих пор набатом звучат у меня в голове. Понимаю их как завет и пытаюсь оставить свидетельство о людях и нравах моей эпохи, о подлости человеческой, которой повидал немало, о благородстве и чести, встречающихся за карточным столом тоже отнюдь не редко. Я пишу рассказы об игроках, а дело всей моей жизни – энциклопедия «Игровой дом», над которой работаю и по сей день.

Опыт, конечно, бесценная вещь, но самый ценный материал предоставили мне русские писатели.

*...Но мне досталась на часть
Игры губительная страсть.
Страсть к банку! ни любовь свободы,
Ни Феб, ни дружба, ни пиры
Не отвлекли б в минувшии годы
Меня от карточной игры —
Задумчивый, всю ночь, до света
Бывал готов я в эти лета
Допрашивать судьбы завет,
Налево ль выпадет валет?*

(Пушкин. Евгений Онегин)

В этой книге я попробую собрать свидетельства об игре в карты великих писателей. «В игре да в дороге узнаешь людей». В игре человек обнажает потаённые стороны своей натуры. Заглянем за кулисы.

Державин, Гаврила Романович

(1743–1816) великий русский поэт. Выходец из небогатой дворянской семьи, впоследствии вельможа при дворе Екатерины II, Павла I и Александра I. Державин играл в карты всю свою жизнь, а некоторое время, по молодости и по стечению обстоятельств, добывал средства шулерской игрой. В. Ф. Ходасевич в книге «Державин», опираясь на классическое жизнеописание Державина, сделанное К. Я. Гротом в собранном им же девятитомном Собрании сочинений Державина, подробно описал игроцкую жизнь Державина. Началась она в Валдае:

«В начале 1767 года императрица (Екатерина II – ДЛ.) предприняла вторую поездку в Москву... Державин (в чине каптенармуса лейб-гвардии Преображенского полка – ДЛ.) под началом двух офицеров, братьев Лутовиновых, командирован был на ямскую подставу – надзирать за приготовлением лошадей к приезду двора.

Один Лутовинов был послан в Яжелбицы, другой – в Зимогорье. То были две станции, расположенные вблизи знаменитого Валдая, о котором Радищев писал: «Кто не бывал в Валдаях, кто не знает валдайских баранок и валдайский разруганных девок? Всякого проезжающего наглые валдайские и стыд сотрясшие девки останавливают и стараются возжигать в путешественнике любострастие, воспользоваться его щедростью на счёт своего целомудрия». Разумеется,

Лутовиновы проводили всё время в гостеприимном Валдае. Они либо играли в карты с приезжими, либо пьянствовали, иной раз на всю ночь запираясь в кабаке и никого, кроме девок, к себе не пуская. Державин волей или неволей делил забавы начальства. Правда, от вина он воздерживался, но карты мало-помалу его увлекли, он к ним пристрастился».

Обстоятельства, при которых 24-летний Державин в тот же год попал в компанию шулеров, типичны и характерны для всех времён – проигрыш, отчаянное положение, предложение нажить деньги мошенничеством:

«...Прожив лето и осень с родными в Оренбургской губернии, Державин собрался в Петербург: отпуск его кончился. Наконец он тронулся в путь, приняв на себя два поручения: во-первых, довести брата до Петербурга и там определить его в полк; во-вторых, будучи проездом в Москве, купить у неких господ Таптыковых небольшую, души в тридцать, деревишку, лежащую на реке Вятке. На это мать дала ему денег...

Поселился Державин по-родственному, у двоюродного своего брата майора Ивана Яковлевича Блудова... Вместе с Блудовым жил его дальний родственник и закадычный друг, отставной подпоручик Максимов, человек забубённой жизни, друг-приятель не одному Блудову, но и всей Москве, особенно разным сенатским чиновникам. Можно было через него обделывать всевозможные дела, чистые и сомнительные, сомнительные в особенности. Блудов

находился под его влиянием. Дом с утра до вечера полон был всякого люда. Картёж и попойки не прекращались. Карты занимали Державина сильно ещё со времени пребывания в Валдае. Теперь, в обществе Блудова и Максимова, он стал иногда поигрывать. Сперва играл робко и понемногу, но потом, разумеется, втянулся.

Новичкам обычно везёт, но с Державиным случилось иначе. С каждой игрой дела его становились труднее, но был он упрям, горяч и не знал поговорки «Играй, да не отыгрывайся». Лишившись собственных денег, он не бросил игры, а пустил в ход материнские, данные на покупку имения, и в недолгое время проиграл их все, до последней копейки. Двоюродный братец Блудов из этой беды как будто бы его выручил, но на самом деле забрал в сущую кабалу. А именно – он дал Державину денег на покупку имения, но в обеспечение долга взял с него закладную, да не только на эту деревню, а ещё и на другую, тоже принадлежавшую матери. Совершать подобную сделку Державин не имел никакого права, следственно, ему теперь уже до зарезу надобно было разжиться деньгами, чтоб закладную у Блудова выкупить.

Для этого был единственный способ – опять-таки отыграться. И вот, располагая всего лишь грошами, он стал с отчаяния день и ночь ездить по трактирам – искать игры. Вскоре он сделался завсегдатаем таких мест и другом тамошних завсегдатаев. Иначе сказать, «спознакомился с игроками, или, лучше, с прикрытыми благопристойными поступками и

одеждою разбойниками; у них научился заговорам, как новичков заводить в игру, подборам карт, подделкам и всяким игрецким мошенничествам».

Надо сказать правду, и в этом обществе сохранил он известное благородство души, впрочем, весьма нередко свойственное и заправским шулерам. Конечно, он не гнушался «обыгрывать на хитрости», иначе бы не вступал в такую компанию. Но, помня, должно быть, собственную историю, новичкам и неопытным людям иногда покровительствовал. Так, однажды он спас от мошенников заезжего недоросля из Пензы, «слабого по уму, но довольно достаточного по имуществу». В отместку за это составлен был целый заговор, чтобы Державина поколотить, а может быть, убить вовсе. Но по странному совпадению тут его спас другой, тоже им облагодетельствованный человек – офицер Гасвицкий, которому как раз незадолго до того в каком-то трактире Державин успел шепнуть, что его обыгрывают на бильярде при помощи поддельных шаров.

Однако шулерство не принесло ему пользы. То ли он горячился и сам проигрывал ещё более ловким игрокам, то ли существовали другие, неизвестные нам причины, только сколотить нужную сумму и расплатиться с Блудовым Державин не мог. Хуже того: иногда проигрывался до нитки и принуждён был бросать игру пока не разжигался какими-нибудь деньжонками. Случалось не на что было не только играть, но и жить. Тогда, запершись дома, он ел хлеб с водою и

марал стихи. Иногда на него находило отчаяние. Тогда затворял он ставни и сидел в тёмной комнате при свете солнечных лучей, пробивавшихся в щели. Так проводить несчастливые дни осталось его привычкой на всю жизнь.

Прошло уже более полугода с тех пор, как отсрочка, ему данная (на службе – сост.), кончилась. До полка дошли слухи, что Державин в Москве «замотался», а сам он не только не помышлял о возвращении в Петербург, но и не представлял никаких объяснений. Ему грозил суд и разжалование в армейские солдаты. Спас... благодетель Неклюдов, который, не спросясь Державина, приписал его к Московской команде.

Пребывание в Москве было, таким образом, узаконено, и Державин одно время даже служил секретарём, или, по-тогдашнему, «сочинителем» в депутатской законодательной комиссии, потом мать вызвала его в Казань, он ездил к ней, каялся, а вернувшись, снова взялся за прежнее. Шалая жизнь постепенно его засасывала. Самое опасное было то, что Державин как-то нечаянно сблизился с Максимовым, которого проделки были отнюдь не невинного свойства... вскоре всплыла наружу проделка, в которой к тому же весьма замешан был и Державин.

В конце 1769 года мать прапорщика Дмитриева подала в полицию жалобу на Максимова и Державина вместе. По словам жалобщицы, Максимов с Державиным обыграли её сына в банк Фаро и выманили с него вексель в триста рублей, а

также пятисотрублёвую купчую на имение отца его. Максимова, Державина, двоих свидетелей и обыгранного прапорщика вызывали для допроса. Дмитриев подтвердил заявление матери, а Державин и Максимов упёрлись. От всякой игры с Дмитриевым они отrekliсь, а происхождение векселя и купчей объяснили иными, вполне законными причинами. Делу этому дан был ход, оно поступило в Юстиц-коллегию, и... грозило самыми страшными последствиями...».

Кончилась эта история, к счастью для Державина, благополучно, но тянулась до 1782 года. Именно этот случай отрезвил Державина. Тот образ жизни, который он вёл в Москве, и то общество, которое его окружало, тяготили Державина сильно: «душевное своё состояние он излил в стихах, написанных, надо думать, при сдвинутых ставнях... Стихи назывались «Раскаяние»:

Ужель свирепства все ты, рок, на мя пустил?
Ужель ты злобу всю с несчастным совершил?
Престанешь ли меня теперь уж ты терзати?
Чем грудь мою тебе осталось поражати?
Лишил уж ты меня имения моего,
Лишил уж ты меня и счастья всего,
Лишил, я говорю, и – что всего дороже —
(Какая может быть сей злобы злоба строже?)
Невинность разрушил! Я в роскошах забав
Испортил уже мой и непорочный нрав,
Испортил, развратил, в тьму скаредств погрузился,
Повеса, мот, буйан, картёжник очутился;

*И вместо, чтоб талант мой в пользу обратил,
Порочной жизнью его я погубил;
Презрен теперь от всех и всеми презираем,
От всех честных людей, от всех унижаем.
О, град ты роскошей, распутства и вреда!
Ты людям молодым и горесть, и беда!
О, лабиринт страстей, никак неизбежных,
Борющихся разумом, но непреодолимых!
Доколе я в тебе свой буду век влачить?
Доколе мне, Москва, в тебе распутно жить?
Покинуть я тебя стократно намеряюсь
И, будучи готов, стократно возвращаюсь.
Против желания живу, живя в тебе;
Клянчу тебя – и в том противлюсь сам себе...».*

Наконец, в марте 1770 года «Державин решился: он занял пятьдесят рублей у приятеля своей матери, «бросился опростетью в сани и поскакал без оглядок в Петербург». Впрочем, не совсем без оглядок». Встретив в Твери одного из московских приятелей, Державин прокутил с ним все деньги, а занятые там же в Твери у проезжего ещё пятьдесят рублей были проиграны им в станционном трактире в Новгороде... «и остался у него всего-навсего один рубль-крестовик, некогда данный на счастье матерью. Не тронув этого рубля (он сберёг его во всю жизнь), Державин кое-как тронулся дальше... Петербургская жизнь сразу сложилась немного печально, буднично, тихо. Но это было как раз то, что нужно. После московских беспутств Державин искал покоя, втягивался в полковые дела, в службу. Приехав, как сказано, без гроша в кармане, он на первое

время занял у однополчанина восемьдесят рублей. В будущем, однако ж, не предвиделось никаких доходов; не только что отдавать долги – не на что было жить.

Тогда он ещё раз решился прибегнуть к помощи карт, но теперь игра его была совсем уж не та, что московская, хотя в основе её лежал опыт, в Москве добытый. Державин взял себя в руки и прежде всего раз навсегда отказался от игры нечестной, что обеспечило его от опасных столкновений с правосудием, а главное – дало спокойную совесть, в которой он так нуждался, и душевное равновесие – этот сильнейший козырь в азартных играх. Кроме того (что не менее важно), он перестал гоняться за крупным выигрышем. И тогда десятая муза, муза игры, которая, как все её сёстры, заразителна и вдохновения, и умения, и смелости, и меры, улыбнулась ему благосклонно. Он стал выигрывать и прибегал к этому средству всякий раз, как бывала нужда в деньгах.

...Внезапно над головой Державина разразилась ещё одна буря. Два года тому назад, живя в деревянных апокойчиках госпожи Удоловой и водив весёлую дружбу с поручиком Масловым, он по приятельству поручился за вертопраха в дворянском банке. В два года Маслов совсем замотался, бежал в Сибирь и там скрылся. Теперь с Державина требовали весь банковский долг. Сверх того, так как он, не имея собственной недвижимости, не имел права ручаться за Маслова, то его привлекли за подложное ручательство, а денежное взыскание было обращено на имение его матери.

Для старухи это был жесточайший удар: всё, что она с таким трудом собирала больше двадцати лет, теперь должно было пойти прахом. Добыть нужную сумму из деревенских доходов не было никакой надежды... К середине октября за уплатою некоторых долгов осталось всего пятьдесят рублей. Как их употребить? Не видно было другого выхода, как только искать счастья старым способом.

Семёновского полка капитан Жедринский держал нечто вроде игорного дома. Державин туда поехал и в первый же вечер выиграл тысяч восемь. Затем, развивая игру, он в несколько дней оказался обладателем целых сорока тысяч. Фортуна его доплатила то, что недодано было отечеством. Половину выигрыша тотчас же пошла на покрытие масловского долга. Этот камень наконец свалился с души Державина...

Полученные земли Державин заложил в банке; это не обеспечивало его в будущем, но вместе с карточной игрой давало возможность существовать пристойно в ожидании лучшего... Денежные дела улучшались. Имение Маслова, пущенное с публичного торга, почти целиком доставалось Державину как главному кредитору. Уплаченные из выигрыша двадцать тысяч вернулись к нему в виде трёхсот душ в Рязанской губернии...».

Играл Державин и после того, как поправил свои дела, прославился как поэт и, обласканный Екатериной II, вошёл в круг придворных. Сблизившись с А. А. Вяземским, Дер-

жавин играет в его доме в почтенные коммерческие игры: вист и бостон: «Вечерами играли в вист; эта игра не давалась Державину. К счастью, в то время как другие вельможи играли на бриллианты, черпая их из шкатулки ложкою, у Вяземских игра шла по самым маленьким (хозяин дома был скуп)».

Играть в коммерческие игры так же хорошо, как в азартные, Державин так и не научился. Видимо, это можно объяснить особенностями его личности и темперамента, о которых свидетельствует такой, например, случай.

Державин назначен губернатором в Олонецкую губернию. Секретарь Грибовский, исполнявший должность казначея в приказе общественного призрения, допустил растрату: в кассе не хватало тысячи рублей наличными, не было расписок в получении купцами семи тысяч, которые были им розданы заимообразно. Канцелярская сторона была так обставлена, что можно было и самого Державина обвинить в соучастии.

«Державин потребовал от Грибовского объяснений. Тот покался, что, выдавая ссуды купцам, не брал с них расписок при условии, что они распишутся после, когда будут возвращать деньги. Ссуды таким образом становились как бы бессрочными. За это Грибовский получал взятки. Что же касается тысячи им лично растраченной, то Грибовский признался, что проиграл её в карты, ведя игру с вице-губернатором, губернским прокурором и председателем уголовной

палаты...

Державин заставил Грибовского тут же, не сходя с места, изложить всё признание с поимённым перечнем, что и кому проиграно... тотчас вызвал к себе вице-губернатора. Тот явился. С самым дружеским видом Державин поведал ему о растрате и просил совета, как поступить. Вице-губернатор стал важно читать Державину наставления, бранил Грибовского и требовал, чтобы поступлено было по всей строгости закона.

Тогда Державин дал ему прочитать признание Грибовского. Увидя имя своё между игроками, вице-губернатор «сначала взбесился, потом оробел и в крайнем замешательстве уехал домой». Затем был призван председатель уголовной палаты, и с ним всё повторилось точь-в-точь как с вице-губернатором. До губернского прокурора очередь дошла уже ночью. Но прокурор был не так-то прост. Он не испугался, а заявил, что даст делу ход, да с тем и уехал.

Наутро Державин отправился в приказ общественного призрения, велел привести купцов и, грозя немедленной тюрьмой, заставил их выдать расписки на все семь тысяч. Документы были приведены в порядок, а недостающую тысячу Державин внёс из своих денег. Вернувшись к себе в правление, он уже там застал прокурора: тот явился с формальным протестом против действий губернатора, призвавшего его ночью и пугавшего бумагой, в которой он был облыжно замешан в картёжное дело.

Но тут, вероятно, прокурору показалось, что губернатор сходит с ума: Державин решительно объявил, что никогда его ночью не вызывал, никакие деньги не пропадали и всё это, очевидно, прокурору приснилось. Если же он сомневается, то может побывать в приказе общественного призрения и лично во всём убедиться, освидетельствовав казну и книги.

Прокурор помчался в приказ и вернулся оттуда в крайнем смущении: теперь уж ему казалось, что сходит с ума он сам». В самой этой ситуации Державин сыграл, как азартный игрок: тут и блеф, и розыгрыш, и тонкий расчёт, и знание психологии. Однако, нужно признать, что, горячий и вспыльчивый по натуре, Державин так и не научился играть в бюрократические игры, равно как и в коммерческие: он чаще проигрывал в сложной игре дворцовых интриг, требующей от человека таких качеств, которых у Державина не было.

В старости Державин выезжал редко, «являясь на публике в парике с мешком, в коричневом фраке при коротких панталонах и гусарских сапожках, над которыми были видны чулки. При случае он играл в карты, но уж без прежнего увлечения и без прежней удачи: тысячи полторы в год полагалось от Даши на проигрыш». Всё больше времени отдавалось пасьянсам – «блокаде» и «пирамиде».

В имении Званка, куда вся семья уезжала на лето, «будучи недоволен, он разворчитя, с укоризною буркнет: «Спасибо, милостивые государыни, поддобротали» – и, уйдя в каби-

нет, погрузится в пасьянсы... Ночью на 5 июля (1816 – ДЛ.) случились у него лёгкие спазмы в груди, после которых сделался жар и пульс участился. День прошёл как обычно. Только уже под вечер, раскладывая пасьянс, Державин вдруг изменился в лице, лёг на спину и стал тереть себе грудь. От боли он громко стонал, но затем успокоился и уснул. Вечером, за бостоном, стали уговаривать его ехать в Петербург к известному доктору...». Державин отказался наотрез. 8-го июля он умер.

О картах и об игре Державин в стихах ничего не писал, за исключением «Оды на счастье». В 1811 г. он начал писать «Записки из известных всем происшествиев и подлинных дел, заключающие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина»... Историю своего шулерства Державин изложил в «Записках» безжалостно и подробно. Как мудрый человек, он был «благодарен людям и обстоятельствам, доведшим бедного, неопытного молодого человека до такого падения».

Зато «слава строптивного чиновника и плохого царедворца постепенно создала ему в обществе славу особо честного и беспристрастного человека. Всё чаще к нему обращались с просьбами быть третейским судьёй в разных делах, когда стороны не хотели довериться казённому правосудию». О пристрастии Державина к игре на бильярде свидетельствует тот факт, что в его доме в Тамбове (в бытность тамбовским губернатором) и в петербургском доме на Фонтанке стоял

бильярдный стол.

Пушкин, Александр Сергеевич

Пушкин А.С.

(1799–1837) великий русский поэт и писатель. Пушкин был известен как страстный игрок в карты. Сохранилось множество свидетельств, которые дают представление об отношении Пушкина к игре:

«...Выехал я тому пять-шесть дней из моей проклятой деревни на перекладной, в виду отвратительных дорог. Псковские ямщики не нашли ничего лучшего, как опрокинуть меня. У меня помят бок, болит грудь, и я не могу дышать. Взбешённый, я играю и проигрываю...».

Подпись: Пушкин – В. П. Зубкову, 1 дек. 1826 г., из Пскова (фр. – рус.).

...Это было в Москве. Пушкин, как известно, любил играть в карты, преимущественно в штосс. Играя однажды с А. М. Загряжским, Пушкин проиграл все бывшие у него деньги. Он предложил, в виде ставки, только что оконченную им пятую главу «Онегина». Ставка была принята, так как рукопись эта представляла собою тоже деньги, и очень большие (Пушкин получал по 25 руб. асс. за строку), – и Пушкин проиграл. Следующей ставкой была пара пистолетов, но здесь счастье перешло на сторону поэта: он отыграл и пистолеты, и рукопись, и ещё выиграл тысячи полторы...

Подпись: Н. П. Кичеев, со слов А. М. Загряжского. Рус. Стар., 1874, Т. 9, стр. 564.

...Никакая игра не доставляет столь живых разнообразных впечатлений, как карточная, потому что во время самых больших неудач надеешься на тем больший успех, или просто в величайшем проигрыше остаётся надежда, вероятность выигрыша. Это я слышал от страстных игроков, напр., от Пушкина (поэта) ... Пушкин справедливо говорил мне однажды, что страсть к игре есть самая сильная из страстей...

Подпись: Ал. Н. Вульф. Дневник. Л. Майков, 190, 211.

...О поэте Пушкине сколько краткость времени позволила мне сделать разведание, – он принят во всех домах хорошо и, как кажется, не столь теперь занимается стихами, как карточной игрой, и поменял Музу на Муху, которая теперь из всех игр в большой моде...

Подпись: А. А. Волков, жандармский генерал, в донесении Бенкендорфу, 5 марта 1827 г. Б. Модзалевский, 35.

...Пушкин научил меня ещё и другой игре. Мать моя запрещала мне даже касаться карт, опасаясь развития в будущем наследственной страсти к игре. Пушкин во время моей болезни научил меня играть в дурачки, употребив для этого визитные карточки, накопившиеся в новый 1827 год. Тузы, короли, дамы и валеты козырные употреблялись Пушкиным, значение остальных не было определено, и эта-то неопределённость и составляла всю потеху: завязывались споры, чья визитная карточка бьёт ходы

противника. Мои настойчивые споры и цитаты в пользу первенства попавшихся в мои руки козырей потешали Пушкина, как ребёнка...

Подпись: кн. Павел Вяземский. Сочинения, стр. 511–513.

...15 окт. 1827 г. – Вчерашний день был для меня замечателен: приехав в Боровичи в 12 час. утра, застал я проезжего в постели. Он метал банк гусарскому офицеру. Перед тем я обедал. При расплате не доставало мне 5 рублей, я поставил их на карту. Карта за картой, проиграл 1600. Я расплатился довольно сердито, взял займы двести рублей и уехал очень недоволен сам собой...

Подпись: Пушкин. Встреча с Кюхельбекером.

...Пушкин в дружеском обществе был очень приятен... Дельвиг со всеми товарищами по лицу был одинаков в обращении, но Пушкин обращался с ними разное. С Дельвигом он был вполне дружен и слушался, когда Дельвиг его удерживал от излишней картёжной игры и от слишком частого посещения знати, к чему Пушкин был очень склонен...

Подпись: Бар. А. И. Дельвиг (племянник поэта Дельвига). Мои воспоминания, I, 72.

...Иногда заставлял я его за другим столиком – карточным, обыкновенно с каким-нибудь неведомым мне господином, и тогда разговаривать было нельзя; после нескольких слов я уходил, оставляя его продолжать игру. Известно, что он вёл довольно

сильную игру и чаще всего продувался в пух! Жалко бывало смотреть на этого необыкновенного человека, распаленного грубою и глупою страстью!.. Светская молодёжь любила с ним покутить и поиграть в азартные игры, а это было для него источником бесчисленных неприятностей...

Подпись: Кс. А. Полевой. Записки, стр. 171–174, 268, 273–277.

Псковский помещик И. Е. Великопольский, мало даровитый поэт и страстный картёжный игрок, выпустил в свет стихотворную «Сатиру на игроков», в которой живописал страшные последствия картёжной игры. Пушкин напечатал в болгаринской «Северной Пчеле» «Послание к В., сочинителю «Сатиры на игроков», где высмеивал проповедников, учащих свет тому, в чём сами грешны:

*Некто мой сосед
На игроков, как ты, однажды
Сатиру злую написал
И другу с жаром прочитал.
Ему в ответ его приятель
Взял карты, молча стасовал,
Дал снять, и нравственный писатель
Всю ночь, увы! понтировал.
Тебе знаком ли сей проказник? и т. д.*

Великопольский написал стихотворный ответ Пушкину и отправил его Булгарину для помещения в «Северной Пчеле».

ле». Булгарин передал стихи Пушкину с запросом, согласен ли он на их напечатание). Пушкин ответил самому Великопольскому:

Булгарин показал мне очень милые ваши стансы ко мне в ответ на мою шутку. Он сказал мне, что цензура не пропускает их, как личность, без моего согласия. К сожалению, я не могу согласиться:

*«Глава Онегина вторая
Съезжала скромно на тузе»*

и ваше примечание – конечно, личность и неприличность. И вся станса недостойна вашего пера. Мне кажется, что вы немножко мною недовольны. Правда ли? По крайней мере, отзывается чем-то горьким ваше последнее стихотворение. Неужели вы хотите со мною поссориться не на шутку и заставить меня, вашего миролюбивого друга, включить неприязненные строфы в восьмую главу Онегина? Н. В. Я не проигрывал второй главы, а её экземплярами заплатил свой долг, так точно, как вы заплатили мне свой – родительскими алмазами и 35-ю томами энциклопедии. Что, если напечатать мне сие благонамеренное возражение? Но я надеюсь, что я не потерял вашего дружества и что мы при первом свидании мирно примемся за карты и за стихи...

Подпись: Пушкин – И. Е. Великопольскому в конце марта – начале апр. 1828 г., из Петербурга.

...С 1826 года я довольно часто встречался с Пушкиным в Москве и Петербурге, куда он скоро потом переселился. Он легко знакомился, сближался, особенно с молодыми людьми, вёл по-видимому, самую рассеянную жизнь, танцевал на балах, волочился за женищинами, играл в карты, участвовал в пирах тогдашней молодёжи, посещал разные слои общества...

Подпись: Н. В. Путьяга. Из записной книжки. Рус. Арх., 1899, 11, 350.

...Слышу от Карамзиных жалобы на тебя, что ты пропал для них без вести, а несётся один гул, что ты играешь не на живот, а на смерть. Правда ли?..

Подпись: кн. П. А. Вяземский – Пушкину, 26 июля 1828 г. Переп. Пушкина, II, 69.

...С. Д. Полторацкий несколько раз просил у Пушкина писем к нему Рылеева, чтобы списать их. Пушкин всё отказывался, обещаясь подарить ему самые письма. Раз за игрою Полторацкий ставил 1000 р. асс. и предлагал против этой суммы поставить письма Рылеева. В первую минуту Пушкин было согласился, но тотчас же опомнился, воскликнув: «Какая гадость! Проиграть письма Рылеева в банк! Я подарю вам их!»...

Подпись: А. И. Герцен. Полярная звезда на 1861 год. Лондон, 1861, стр. 33. Цит. по Б. Модзалевскому. Письма. Т. II. Гос. изд., 1927, стр. 248.

...Рассказывают, что в Петербурге Мицкевич застал Пушкина у одного общего знакомого за банком и что Пушкин очень замешался от неожиданной встречи с ним...

Подпись: М. А. Максимович по записи Бартенева. Рус. Арх., 1898, II, 480.

...Я бывал у Пушкина и видел, как он играет. Пушкин меня гладил по головке и говорил: «Ты паинька, в карты не играешь и любовниц не водишь». На этих вечерах был Мицкевич, большой приятель Пушкина. Он и Соболевский тоже не играли...

Подпись: Н. Д. Киселёв по записи А. О. Смирновой. Смирнова. Автобиография, 175.

...Иван Головин (впоследствии известный публицист-эмигрант) писал мне, что его брат Николай рассказывал ему, что он был свидетелем первой встречи Адама Мицкевича и Пушкина. Их знакомство произошло за карточной игрой. Пушкин любил волнения, вызываемые выигрышем и проигрышем, тогда как Адам Мицкевич не имел никакой склонности к азартным играм. По словам Николая Головина, «у Пушкина была в полном разгаре игра в фараон, когда вошёл Мицкевич и занял место за столом. Дело было летом. Пушкин, с засученными рукавами рубашки, погружал свои длинные ногти в ящик, полный золота, и редко ошибался в количестве, какое нужно было каждый раз захватить. В то же время он

следил за игрою своими большими глазами, полными страсти. Мицкевич взял карту, поставил на неё пять рублей ассигнациями, несколько раз возобновил ставку и простился с обществом без какого-либо серьёзного разговора»...

Подпись: Владислав Мицкевич. Wladislaw Mickiewicz. Adam Mickiewicz, sa Vie et son oeuvre. Paris, 1888, p. 81–82.

Твоё письмо застало меня посреди хлопот и неприятностей всякого рода... Пока Киселёв и Полторацкий были здесь, я продолжал образ жизни, воспетый мною таким образом:

*А в ненастные дни собирались они часто,
Гнули, ... их..., от 50 на 100.
И выигрывали, и отписывали мелом
Так в ненастные дни занимались они делом...*

Подпись: Пушкин – кн. П. А. Вяземскому, 1 сент. 1828 г., из Петербурга.

Стихи «Как в ненастные дни» Пушкин написал у князя Голицына, во время карточной игры, мелом на рукаве. Пушкин очень любил карты и говорил, что это единственная его привязанность. Он был, как все игроки, суеверен, и раз, когда я попросила у него денег для одного бедного семейства, он, отдавая последние пятьдесят рублей, сказал: «счастье ваше, что я вчера проиграл»...

Подпись: А. П. Керн. Воспоминания, Л. Майков, 252.

...В Костроме узнал я, что ты проигрываешь деньги Каратыгину. Дело нехорошее. По скверной погоде, я надеялся, что ты уже бросил карты и принялся за стихи...

*Подпись: кн. П. А. Вяземский – Пушкину, 18 сент. 1828 г.
Переп. Пушкина, II, 76 (стр. 118).*

...Пушкин, во время пребывания своего в Южной России, куда-то ездил за несколько сот вёрст на бал, где надеялся увидеть предмет своей тогдашней любви. Приехал в город он до бала, сел понтировать и проиграл всю ночь до позднего утра, так что прогулял и все деньги свои и бал, и любовь свою.

Подпись: кн. П. А. Вяземский. Старая записная книжка.

...Здесь мне очень весело, ибо я деревенскую жизнь очень люблю. Здесь думают, что я приехал набирать строфы в Онегина, и стращают мною ребят, как буюю, а я езжу на пароме, играю в вист по восьми гривен роббер, и таким образом прилепляюсь к прелестям добродетели и гнушаюсь сетей порока...

*Подпись: Пушкин – бар. А. А. Дельвигу, 26 ноября 1828 г., из
Малинников.*

...Тотчас по приезде в Петербург, Гоголь, движимый потребностью видеть поэта, который занимал всё его воображение ещё на школьной скамье, прямо из дома отправился к нему. Чем ближе подходил он к квартире Пушкина, тем более овладевала им робость и, наконец, у самых дверей квартиры развилась до того,

что он убежал в кондитерскую и потребовал рюмку ликёра... Подкреплённый им, он снова возвратился на приступ, смело позвонил и на вопрос свой: «Дома ли хозяин?», услышал ответ слуги: «Почивают!» Было уже поздно на дворе. Гоголь с великим участием спросил: «Верно, всю ночь работал?» – «Как же, работал, – отвечал слуга. – В картишки играл». Гоголь признавался, что это был первый удар, нанесённый школьной идеализацией его. Он иначе не представлял себе Пушкина до тех пор, как окружённого постоянно облаком вдохновения...

Подпись: П. В. Анненков со слов Гоголя. Материалы, стр. 360.

...Господин поэт столь же опасен для государства, как неочиненное перо. Ни он не затеет ничего в своей ветреной голове, ни его не возьмёт никто в свои затеи. Это верно! Предоставьте ему слоняться по свету, искать девиц, поэтических вдохновений и игры. Можно сильно утверждать, что это путешествие (на Кавказ) устроено игроками, у коих он в тисках. Ему верно обещают золотые горы на Кавказе, а когда увидят деньги или поэму, то выиграют – и конец. Пушкин пробудет, как уверяют его здешние друзья, несколько времени в Москве, и как он из тех людей, у которых семь пятниц на неделе, то, может быть, или вовсе останется в Москве, или прикатит сюда (в Петербург) назад...

Подпись: А. Н. Мордвинов (?) – гр. А. Х. Бенкендорфу, 21 марта 1829 г. Соч. Пушкина, ред. Ефремова, 1903, т. VII, стр.

...Поездка Пушкина на Кавказ и в Малую Азию могла быть устроена, действительно, игроками. Они, по связям в штабе Паскевича, могли выхлопотать ему разрешение отправиться в действующую армию, угощать его живыми стерлядями и замороженным шампанским, проиграв ему безрасчётно деньги на его путевые издержки. Устройство поездки могло быть придумано игроками в простом расчёте, что они на Кавказе и Закавказье встретят скучающих богатых людей, которые с игроками не сели бы играть и которые охотно будут целыми днями играть с Пушкиным, а с ним вместе со встречными и поперечными его спутниками. Рассказ без подробностей, без комментариев, есть тяжёлое согрешение против памяти Пушкина. В голом намёке слышится как будто заподозривание сообщничества Пушкина в игрецком плане. Пушкин до кончины своей был ребёнком в игре и в последние дни жизни проигрывал даже таким людям, которых, кроме него, обыгрывали все...

Подпись: кн. П. Вяземский. Собр. соч., 515.

...В полицейском списке московских картёжных игроков за 1829 год в числе 93 номеров значится: «1. Граф Фёдор Толстой – тонкий игрок и планист. – 22. Нащокин – отставной гвардии офицер. Игрок и буйан. Всеизвестный по делам, об нём производившимся. – 36.

Пушкин – известный в Москве банкомёт»...

Подпись: П. А. Ефремов. Соч. Пушкина, изд. 1903, т. VII, стр. 677.

...Я согласился на просьбу Пушкина, он привёл ко мне Дорохова с повинною, вытянутою фигурою, до того комической, что мы с Пушкиным расхохотались, и я сделал с обоими новый договор – во всё время нашего следования в товариществе до вод в карты между собой не играть. Оба на это согласились. Пушкин приказал притащить ко мне свои и Дорохова вещи и, между прочим, ящик отличного рейнвейна, который ему Раевский дал на дорогу...

Подпись: М. И. Пущин. Встреча с Пушкиным на Кавказе. Л. Майков, 391–393 – он же. Записки. Рус. Арх., 1908, III, 546–548.

...Приехали в Пятигорск. Я поехал осматривать источники. По возвращении домой я застал Пушкина с Дороховым и ещё Павловского полка офицером Астафьевым, играющих в банк. На замечание моё, что они не исполняют условия, Пушкин отвечал, что условие ими свято выполнено, потому что оно дано было на время переезда к водам. Он был прав, и мне оставалось только присоединиться к их игре. Астафьев порядочно всех нас на первый же раз обдунил. Пушкин в этот вечер выиграл несколько червонцев; Дорохов проиграл, кажется, более, чем желал проиграть; Астафьев и Пушкин кончили игру в весёлом расположении духа, а Дорохов отошёл

угрюмый от стола.

Когда Астафьев ушёл, я спросил Пушкина, как случилось, что, не будучи никогда знаком с Астафьевым, я нашёл его у себя с ним играющего. «Очень просто», – отвечал Пушкин, – мы, как ты ушёл, послали за картами и начали играть с Дороховым; Астафьев, проходя мимо, зашёл познакомиться; мы ему предложили поставить карточку, и оказалось, что он – добрый мальчик и любит в карты играть».

– «Как бы я желал, Пушкин, чтобы ты скорее приехал в Кисловодск и дал мне обещание с Астафьевым в карты не играть». – «Нет, брат, дудки! Обещания не даю, Астафьева не боюсь и в Кисловодск приеду скорей, чем ты думаешь».

Но на поверку вышло не так: более недели Пушкин и Дорохов не являлись в Кисловодск, наконец, приехали вместе, оба продувшиеся до копейки. Пушкин проиграл тысячу червонцев, взятых им на дорогу у Раевского. Приехал ко мне с твёрдым намерением вести жизнь правильную и много заниматься; приказал моему денщику приводить ему по утрам одну из лошадей моих и ездил кататься верхом.

Мне странно показалась эта новая прихоть; но скоро узнал я, что в Солдатской слободке около Кисловодска поселился Астафьев и Пушкин каждое утро к нему заезжал. Однажды, возвратившись с прогулки, он высыпал при мне несколько червонцев на стол. «Откуда, Пушкин, такое богатство?» – «Должен тебе признаться, что я всякое утро заезжаю

к Астафьеву и довольствуюсь каждый раз выигрышем у него нескольких червонцев. Я его мелким огнём бью и вот сколько уже вытащил у него моих денег». Всего было им наиграно червонцев двадцать.

Я ему предсказывал, что весь свой выигрыш он разом оставит в один прекрасный день. Узнал я это тогда, когда он попросил у меня 50 червонцев, ехавши на игру... Несмотря на намерение своё много заниматься, Пушкин, живя со мною, мало чем занимался. Вообще мы вели жизнь разгульную, часто обедали у Шереметева, Петра Васильевича, жившего с нами в доме Реброва. Шереметев кормил нас отлично и к обеду своему собирал довольно большое общество. Разумеется, после обеда «в ненастные дни занимались они делом: и приписывали и отписывали мелом».

Тут явилась замечательная личность, которая очень была привлекательна для Пушкина, сарапульский городничий Дуров (брат «девицы-кавалериста» Дуровой). Цинизм Дурова удивлял и восхищал Пушкина, забота его была постоянная – заставлять Дурова что-нибудь рассказывать из своих приключений, которые заставляли Пушкина хохотать от души; с утра он отыскивал Дурова и поздно вечером расставался с ним...

Подпись: М. И. Пуцин. Встреча с Пушкиным на Кавказе. Л. Майков, 391–393 – он же. Записки. Рус. Арх., 1908, III, 546–548.

...Приближалось время отъезда; Пушкин условился

*ехать с Дуровым до Москвы; но ни у того, ни у другого не было денег на дорогу. Я снабдил ими Пушкина на путевые издержки; Дуров приютился к нему. Из Новочеркаска Пушкин мне писал, что Дуров оказался *chevalier d'industrie*, выиграл у него пять тысяч рублей, которые Пушкин достал у наказного атамана Иловайского, и, заплативши Дурову, в Новочеркаске с ним разъехался и поскакал один в Москву...*

Подпись: М. И. Пущин. Л. Майков, 394.

...Должники мои мне не платят, и дай бог, чтоб они вовсе не были банкроты, а я (между нами) проиграл уже около 20 тыс. Во всяком случае ты первый получишь свои деньги...

Подпись: Пушкин – И. Я. Яковлеву (московскому богачу), из Петербурга, во второй пол. ноября 1829 г.

...Я встретил прошлым вечером у барона Реханзена (Розена?) русского Байрона – Пушкина, знаменитого и вместе с тем единственного поэта в этой стране... Я не заметил ничего особенного в этой личности и в его манерах, внешность его неряшлива, этот недостаток является иногда у талантливых людей, и он откровенно сознаётся в своём пристрастии к игре; единственное примечательное выражение, которое вырвалось у него во время вечера, было такое: «я бы предпочёл умереть, чем не играть».

Подпись: Томас Рейкс. 24 дек. 1829 г. T. Rakes. A Visit to St. Petersburg In the Winter 1829–1830. London, 1838. Пушкин и его

...Здесь у нас, мочи нет, скучно; игры нет, а я всё-таки проигрываюсь... Покамест умираю от скуки.
Подпись: Пушкин – М. О. Судиенке из П-рга 22 янв. 1830.

...В 1830 г. Пушкин, кажется, проигрался в Москве, и ему понадобились деньги. Он обратился ко мне, но у меня их не было, и я обещался ему перехватить у кого-нибудь из знакомых, начиная с Надеждина, который собирался издавать тогда «Телескоп».
Подпись: Погодин. Утро. Литературный и политический сборник, издаваемый М. Погодиным. М., 1868, стр. 435.

...Собрал мозаические деньги Пушкину и набрал около 2000 руб. – С торжеством послал.
Подпись: М. П. Погодин. Дневник, 8 июня 1830 г. П-н и его совр-ки, XXIII–XXIV, 107.

...Как ищущу я денег Пушкину: как собака!
Подпись: М. П. Погодин. Дневник, 13 июня 1830 г. П-н и его совр-ки, XXIII–XXIV, 108.

...Известно, что Пушкин любил карточную игру и особенно ощущения, ею доставляемые, так что по временам довольно сильно предавался этой страсти. Однажды, если не ошибаюсь, в 1833 г. летом, когда он жил на Чёрной речке (Мат. П. В. Анненкова, стр. 359), на одной из соседних дач вечером собралось довольно большое общество, и в том числе Пушкин. Все гости были охотники до карт, а потому они вскоре

расположились вокруг зелёного стола, и один из них начал метать банк.

Все игроки совершенно погрузились в свои ставки и расчёты, так что внимание их ничем нельзя было отвлечь от стола, на котором решалась участь многочисленных понтёров. В это время в калитку палисадника, в который выходили открытые окна и балконные двери дачи, вошёл молодой человек очень высокого роста, закутанный в широкий плащ. Увидя играющую компанию, он незаметно для занятых своим делом игроков, не снимая ни шляпы, ни плаща, вошёл в комнату и остановился за спиной одного из понтёров.

Молодой человек этот был кн. С. Н. Голицын, хороший приятель Пушкина и прочих лиц, бывших в комнате. В то время он был в числе многочисленных почитателей девицы Россети, принадлежавшей к лучшим украшениям петербургского общества по замечательной красоте, пленительной любезности и светлому уму. Должно заметить, что дня за два до описываемого вечера Голицын находился в том же обществе, которое сошлось теперь на даче у Чёрной речки, выиграл около тысячи рублей, именно у банкомёта, державшего теперь банк, и что выигранных этот остался за ним в долгу.

Голицын, подошедший к столу, простоял несколько минут всё-таки никем не замеченный, и, наконец, взявши со стола какую-ту карту, бросил её и закричал «ва-банк»! Все подняли глаза и увидели со смехом и изумлением неожиданного гостя в

его странном костюме. Начались приветствия, но банкомёт, озадаченный ставкою Голицына, встал и, отведя его немного в сторону, спросил: «да ты на какие деньги играешь? на эти или на те?» Под «этими» он разумел ставку нынешнего вечера, а под «теми» свой долг.

Голицын ответил ему: «это всё равно: и на эти, и на те, те, те». Игра продолжалась, но Пушкин слышал ответ Голицына; те, те, те его очень забавляли, и он шутя написал стихи:

Полюбуйтесь же вы, дети,
Как в сердечной простоте
Длинный Фирс играет в эти,
Те, те, те и те, те, те.
Черноокая Россети
В самовластной красоте
Все сердца пленила эти,
Те, те, те и те, те, те
О, какие же здесь сети
Рок нам стелет в темноте:
Рифмы, деньги, дамы эти,
Те, те, те и те, те, те.

Рассказанный здесь анекдот и стихи Пушкина сообщены нам самим Голицыным, кому они были адресованы.

Подпись: М. Н. Лонгинов. Анекдот о Пушкине. Библиографические записки, 1858, I, 494–496. Документ

...Между нами будет сказано, Пушкин приезжал

сюда по делам не чисто литературным, или вернее сказать, не за делом, а для картёжных сделок, и находился в обществе самом мерзком: между щелкопёрами, плутами и обдиралами. Это всегда с ним бывает в Москве. В Петербурге он живёт опрятнее. Видно, брат, не права пословица: женится – переменится!

Подпись: Н. М. Языков (поэт) – брату А. М., 22 декабря 1831 г. Истор. вестн., 1883, XIV, 534.

...Считать Пушкин не умел. Появление денег связывалось с представлениями неиссякаемого Пактола, и быстро пропустив их сквозь пальцы, он с детской наивностью недоумевал перед совершившимся исчезновением. – Карты неудержимо влекли его. Он зачастую давал себе зарок не играть, подкрепляя это торжественным обещанием жене, но при первом подвернувшемся случае благие намерения разлетались в прах, и до самой зари *он не мог оторваться от зелёного поля.*

Подпись: А. П. Арапова. Новое время, 1907, N 11413, иллюстр. прилож., стр. 5.

...У Пушкина был дальний родственник некто Оболенский, человек без правил, но не без ума. Он постоянно вёл игру. Раз Пушкин в Петербурге (жил тогда на Чёрной речке; дочери его Марье было тогда не более 2 лет) не имел вовсе денег; он пешком пришёл к Оболенскому просить взаймы. Он застал его за игрою в банк. Оболенский предлагал ему играть.

Не имея денег, Пушкин отказывался, но принимает вызов Оболенского играть пополам. По окончании игры Оболенский остался в выигрыше большим и по уходе проигравшего, отсчитывая Пушкину следующую ему часть, сказал: «Каково! Ты не заметил, ведь я играл наверное!» Как ни нужны были Пушкину деньги, но услышав это, он, как сам выразился, до того пришёл вне себя, что едва дошёл до двери и поспешил домой.

Подпись: П. В. Нащокин по записи Бартенева. Рассказы о Пушкине, 46.

...Пушкины едут на несколько лет в деревню. Муж, сказывают, в пух проигрался.

Подпись: кн. П. А. Вяземский – А. И. Тургеневу, 29 дек. 1835 г. Ост. арх., III, 282.

...По словам Арк. Рос. Россет, Пушкин, играя в банк, заложит, бывало, руки в карманы и припеваает солдатскую песню с заменюю слова солдат.

*Пушкин бедный человек,
Ему негде взять...*

Подпись: П. И. Бартенов. Рус. Арх., 1899, II, 356.

...Нрав у Пушкина был страстный, порывистый, вспыльчивый. Он любил игру и искал сильных ощущений, особенно в молодости, ибо годы начали смягчать в нём пыл страстей; он был рассеян, беседа его полна очарования для слушателей.

Подпись: заметка о Пушкине, приложенная к депешам вюртембергского посла кн. Х. Г. Гогенлоэ-Кирхберга о смерти Пушкина. Щёголев, 371.

Во многих произведениях Пушкина употребляется карточная терминология. В повести «Пиковая дама» подробно описана психология игрока. Повесть имела огромный успех у современников. После её выхода в свет понтёры, играя против банкомёта, ставили на тройку, семёрку и туза. В «Капитанской дочке» описана игра в бильярд.

Литература: Вересаев. Пушкин в жизни: Систематический свод подлинных свидетельств современников.

Андрей Битов о Пушкине-игроке

С писателем Андреем Битовым в студии «Эхо Москвы» беседует Григорий Гольдштейн, ведущий еженедельной передачи «Своя игра» на Радио «Эхо Москвы».

Если я согласился на эту беседу, то взял на себя достаточно много и, может быть, тоже поступил, как игрок, потому что фактов – настоящих, достойных публичного внимания в моей пушкинистике, внутренней и любительской, недостаточно для этого вопроса. Я знаю, как и все, что он играл и что это его увлекало, но это всё-таки одна из страстей человеческих, и трудно себе представить Пушкина, миновавшего хоть одну.

Иногда я думал, что, может быть, за счёт нашей антирелигиозной пропаганды Пушкин стал приобретать черты какого-то вознесения, недаром он любил этот праздник больше всего, и родился в день Вознесения, и соотносил свои повороты судьбы с этим праздником. Короче говоря, подсознание нашей идеологии, выдвигая Пушкина наверх, на пьедестал, всё время подменяло им Христа, и тогда черты исчезновения реальной личности имеют определённую закономерность – чем больше мы изучаем каждый факт, связанный, допустим, с историческим существованием Христа или с историческим существованием Пушкина, тем больше над нами царит какая-то насмешка более высоких промежуточных сил, устра-

няя моменты информации.

Я знаю, например, что в 20-е годы была конференция «Курил ли Пушкин?». И оказывается, собираются люди, которые всё изучают, но не очень точно могут об этом сказать: чубук там где-то фигурировал, но курил ли он или нет? Или, допустим, сколько у него было росту? Известно, что он маленький, а Наталья Николаевна была такая верста. И в то же время я пересчитал – его рост, по тем временам, совсем не низкий, потому что его конспектирует Чернецов, который пишет их всех по росту на параде на Сенатской площади... или нет, не на Сенатской – на Марсовом поле, и там он пишет эти вершки и аршины, я сосчитал – получается 167 см., это совсем не худо для первой половины XIX века.

Так что не знаем какого он роста, не знаем курил ли он, опять-таки не знаем, как он выпивал! Конечно, у него там пунш, «содвинем бокалы», но всё это скорее юная поэтика романтическая, нежели реальное злоупотребление. Но враги фиксируют что-то другое: допустим, в сведениях Булгарина будет написано, что, конечно, жаль, поэт он и великий, но человек дрянной, особенно когда напьётся. Отсюда можно сделать вывод, что он однажды что-то такое сказал Булгарину, чего тот никогда не смог проехать. Теперь: а в какую игру, в какого дурачка он играл, допустим, с Ариной Родионовной?

Я думаю, что в игре есть два параметра: один – испытание судьбы, а другой – заполнение одиночества. И, как ни стран-

но, по биографии у него было и то, и другое. Он, конечно, мог играть и в дурачка, и играть, рискуя деньгами, достаточно для него значительными, ибо у него был свой масштаб... Но вот известно тоже, что он меньше золотого нищему не подавал, а при этом у него пуговичка на хлястике болталась и книжному продавцу он был должен, и всё время закладывал шали, жемчуг и серебро, и ещё что-то... Это совершенно другое мышление...

Есть такие нелепые вещи – ну, мы, например, приучены жалеть Пушкина, что он был такой гений, а его недостаточно ценили, что с женой какие-то неприятности, царь приставал как цензор и т. д. И совершенно упускается из вида одна вещь: цензором у человека был император, царь; жена была главной красавицей России; а он был самый гениальный человек, который в России был рождён.

Соотношение этих масштабов есть некоторое нарушение; когда мы о нём говорим, мы всё время нарушаем. Мне очень нравится, в принципе, при постоянном внимании к Пушкину, что он как бы разрушает, или не даёт мне, или я себе не позволяю вот эту попытку понять его.

Возникает какая-то восторженная тупость и недоумение, и разгадки я там не вижу. Я знаю заведомо, что он меня обыграл хотя бы в этом усилии его разгадать. С этой точки зрения он играл безукоризненно. Но он играл и на многих столах, и во многие игры. Когда ему приходилось выбирать судьбою, текстом, назначением, предопределением, фатумом –

уже начинают подключаться и его суеверность, и его игроцкие начала.

Когда он играет – он, допустим, проверяет суеверие, когда суеверничает – пробует игру. Это та же раздача какая-то: если надо не вернуться за забытым носовым платком – это сдача. Один из фактов, о котором я писал, я настаиваю, что это имеет особый интерес, что единственный раз он нарушает, допустим, свой навык, зарегистрированный прислугой, постояннодействующий – не возвращаться за забытым предметом, – то он его, получается, сознательно нарушает, когда возвращается за шинелью перед дуэлью. Меня вообще всё это интересовало в связи с дуэлью, но в дуэли, мне кажется, максимально проявлен игрок. Была такая тенденция, что Пушкин всё сделал и пошёл на... вид самоубийства что ли такой.

Она меня никогда не устраивала, потому что я постепенно стал видеть, что даже Пушкин не всё сделал и кое-что у него осталось в возможных и даже очень гипотетических намётках. Но вот мне кажется, что он играл в другую игру, что он, конечно, играл не в смертельный исход, но, как дворянин и как человек абсолютной смелости, что было положено, кстати, по кодексу, он, конечно, предполагал и такую большую неудачу, но допускал её во вторую очередь. У меня всё время ощущение, что, конечно, там не должны были палить в воздух и так легко это рассосаться не должно было, но у него была ставка на какой-то невероятный скандал, ко-

торый смещает и Дантеса, и его по обе стороны карьеры, по обе стороны двора и, возможно, вот это гипотетическое жите в деревне «с семьёй et cetera», и мысли о Боге – вот это было вполне реальной программой, но для этого надо было, чтобы в это вмешалась судьба.

Он играет бесконечное число раз, выбирая, допустим, между женитьбой и побегом за границу. Мы можем это видеть во всех критических кризисных точках. Это игрок поступает. Игрок думает в 23-м году, сбежать ли ему за границу или жениться, делает какие-то ходы с болезнью становой жилы, которую надо непременно лечить за границей. Отпадает возможность лечиться за границей, отпадает и возможность побега.

То же самое с ним случилось и в 25-м году, и в 30-м, т. е. каждый раз, когда он накануне кризиса и творческого взрыва – идёт система провокаций – как устроить жизнь. Если разбирать его абсолютно невозможное, непонятное достижение в первую болдинскую осень, когда накануне женитьбы, задержанный холерой, он умудряется всё написать – это тоже расчёт с жизнью. Он снимает самый большой банк с расчётом на то, что судьба меняется, что это ставка внутри как бы предыдущей игры. Он делает это с удивительным постоянством, это всегда можно разглядеть.

Если вы посмотрите его «иностраннне» «Маленькие трагедии», почему-то все на заимствованные сюжеты, и параллельно написанные «Повести Белкина» – увидите, как раз-

бираются два варианта судьбы: один всё время вариант женитьб, а другой вариант – политической судьбы, т. е. зарыть талант, сыграть на талант, рискнуть талантом... В общем, у него расклады. Но в эту игру он играл лучше всех и поэтому все попытки его проанализировать и понять, какую же игру он ввёл в создание того или иного произведения, кончаются для меня чистым наслаждением, потому что я этого произведения не разгадываю, т. е. я не знаю, как он сыграл.

В то же время свидетельства об его игре разные. Думаю, их можно было бы собрать и больше, но я помню историю, связанную с 29-м годом, с его поездкой, тоже, кстати, не разрешённой, самовольной поездкой на Кавказ, которая, конечно, вся написана на фоне отказов в поездках за границу. Он валит в доступную за границу внутри империи, и то без разрешения. И там есть такая история, что он якобы был соблазнен шулерами, и что сама поездка чуть ли не была затеяна ими. Но по этому поводу мне больше нравится комментарий, который, может быть, и не конечен, но очень на пушкинской стороне: Павел Вяземский пишет, что вся эта идея, что это было подстроено шулерами и что они его использовали, или что Пушкин даже попользовался как-то – является оскорбительной для памяти Александра Сергеевича, поскольку всем известно было, как он слабо играл и что в последние годы жизни его не обыгрывал разве ребёнок.

И вот когда я думаю над этой фразой, я думаю, что в игре его увлекала, конечно, игра с фатумом, игра со случаем, игра

с судьбой, и насколько он стал большим специалистом, можно судить по «Пиковой даме». Т. е. когда он написал «Пиковую даму» – никто подобного не сделал, хотя Чекалинский и прочие выиграли много денег и играли гораздо лучше него. (Он всё-таки разгадывал за этим тайну, я думаю, что и Фёдор Михайлович тоже. Это такой гипноз: ты, по нынешнему языку фраер, да? всё-таки обыгрываешь случай, сидя напротив зубров и профессионалов – вот это искушение, это соблазн!!!).

У Пушкина было полно соблазнов в свете. Про него давно зафиксировано, что он знал ему цену, понимал и просчитывал всё, это его раздражало и, кстати, привело к довольно решительным действиям и в конце концов свело в могилу. Т. е. его контакт со светом – тоже есть сторона игры. Свет его соблазнял. Вы ничего не можете поделать, что ему нравился и царь, ему нравился и Дантес, хотя бы внешне... Он был чужим там, но попытка быть своим, если переводить на более вульгарный наш язык, – попытка быть своим прокалывается в разных структурах.

Если вы имеете друга мафиози – это не значит, что вы свой человек там; если вы знаете какого-нибудь убийцу – это не значит, что вы можете убить и т. д. Но что-то соблазнительное, структурно-соблазнительное в оформленности вот этих вещей – где-то делают большие деньги, где-то их выигрывают, где-то есть настоящее преступление – конечно, это влечёт и романтика, и игрока, и наивного человека.

И вот у Пушкина я вижу сочетание необыкновенной наивности с очень глубокой проницательностью, но профессионал в литературе не может употребить своих знаний на выигрыш. Если вы выигрываете в искусстве, вы не можете выиграть в опыте жизни. В опыте жизни выигрывают те люди, которые не формулируют в искусстве. И следует заподозрить за банкиром, за полицейским, за... не знаю, за политиком – следует заподозрить тоже недюжинный ум: если человек сделал карьеру, пробрался и решает свои игровые моменты – значит, он что-то соображает, но у него это не в языке. Его язык – это будут деньги, это будет политика, это будет преступление. А у поэта язык – это слова. Я думаю, что на этом переходе вся неудача Пушкина как игрока.

Я считаю, что самый большой банк снят «Пиковой дамой». И какие ни будут написаны теоретические работы по этому поводу – на компьютере, профессиональными игроками – они не смогут покрыть его выигрыш, это всё будет частичным объяснением. Он сумел зашифровать саму судьбу внутри игры, и на это нужно было потратить некоторый опыт, значит, нужно было несколько раз проиграться, что, я думаю, в основном он и делал.

Германн – это как бы полюс Пушкина. Пушкин, допустим, проигрывает, потому что он Пушкин и потому, что он видит во всём некую поэзию и хочет разгадать более глубокую тайну, может быть ту, которую сообщили бабушке. Германн – это немец, логик, очень последовательный человек,

очень фундаментальный, он это просчитывает другим путём, он тоже непрофессионален. Потому что профессионал знает гибкость случая. Как он это знает, как делает это профессионал – мне неизвестно.

Пушкин тоже пытался это разгадать, но для того, чтобы пользоваться случаем, надо иметь и некоторую подлость, надо знать, что ты предаёшь и за что ты платишь, там есть какая-то метафизика. И если вы не владеете этой психологией – риска, подлости, предательства – вы не можете быть профессионалом. Пушкину это было непонятно, он хотел прочесть чистую метафизику игры, а Германн хотел её разгадать. Конечно, человек, который хочет разгадать такого рода вещи, – ему остается только посочувствовать, и Пушкин, я думаю, сведя его с ума, его даже реабилитировал, вот, мол, чего стоит установка.

Пушкин как игрок прекрасно знал подвижность жизни, что она не имеет решений. И его взаимоотношения между судьбой и поведением – это его гений. Он был абсолютно предопределён всегда фатумом и совершенно знал, что в фатуме участвует поведение. Что вы можете изменить в фатуме? Нет, вы можете ему просоответствовать, т. е. в какой-то момент фатум требует от вас именно этого поведения, и тогда вы должны либо пойти на дуэль, либо жениться, либо...

Ну, вот игра с зайцем, о котором мы сделали с Резо Габриадзе работу, – разве это не игра? Что он взял и не поехал на восстание декабристов из-за того, что ему заяц перебе-

жал дорогу? Я разбирал эту историю и вдруг обнаружил, что других свидетелей, кроме Пушкина, нет, зайца допросить не удаётся, история рассказывалась им и неоднократно, и уже те, которые пересказывают, всё время врут о количестве зайцев – то два, то три, то один заяц, то ещё поп, то ещё пьяный кучер – в общем, чего там только не было. Это навело на мысль – а был ли заяц?

Мне не нужно разоблачить Пушкина, он имеет право сказать всё что угодно. Тогда я стал думать: зачем ему было важно сказать про этого зайца? Потому что это – выбор и выбор абсолютно втёмную. У него лишь предчувствие, что там что-то происходит. Его, собственно, от тайны декабризма, об этом много писал Эйдельман и другие исследователи, отодвигали довольно усиленно. Иногда это его обижало. Когда ссылались на его легкомыслие и способность по простодушию проболтать какой-то секрет, когда это имело другое объяснение – что надо сберечь национальное достояние... Тут много объяснений, как это происходило.

Но, как игрок, он почувствовал это как пульс, как ставку – что-то там происходит. Ну, невозможно усидеть, надо ехать. И оказалось, что если бы действительно он туда приехал как собирався, то был бы как раз на Сенатской площади. Каково было бы поведение Пушкина там? Ну, естественно, вместе с друзьями, естественно, он получал бы Сибирь, это однозначно. Как минимум, он получал бы Сибирь, но это история другого Пушкина, и этот другой Пушкин описан в разговоре

с Александром, предполагаемом: тут бы он на меня рассердился, сослал бы меня, и там бы я написал поэму...

Т.е. как бы расклады ему видны. Почему же всё-таки заяц был достаточной помехой? Нет, зайца явно недостаточно! Значит, каким-то образом немножко стало лень, немножко не захотелось, а это имеет очень тайную подоплёку. Он возвращается и пишет «Графа Нулина», вещь более чем странную. А перед тем в течение всего 25-го года он проходит очень сложный путь мировой литературы, что теперь очевидно, а тогда... Сидит в деревне молодой человек, никому не нужен, никому не известен, а сам всё время как бы внутренне соизмеряет себя то с Байроном, то с Шекспиром, то с Гёте.

Это же другие ставки!

И игра, и интуиция, и нежность отношения к бытию, и суеверие, и даже, возможно, такт, и способность ухаживать, т. е. угадывать душевные движения другого или льстить ему, или угадывать его рисунок души, чем быть ему приятным – это всё как бы понтирование такое. Я думаю, что для Пушкина это было бесконечное сукно. Но когда он попадал к конкретному игорному столу, где столбиками лежали деньги, и столбиками стояла тишина, и можно было рискнуть и вдруг выиграть, и вдруг – проиграть, то, я думаю, он поддавался гипнотизму, что это выпадает в модель, и в модель давно выношенную, историческую, традиционную и даже, можно сказать, культурную модель человечества – она, конечно, не

могла не гипнотизировать. Она гипнотизирует так каждого нормального человека, ведь игра бы не стала так увлекать, если бы она не напоминала жизнь, но всё-таки это только модель жизни.

И с его аппаратом, я думаю, он знал, что это достаточно грубая модель, но уж больно соблазнительная. Ведь недаром же это искусство, это и дьявол, и всё что угодно. Значит, искушение увидеть жизнь в виде преподанной и отработанной модели – его нельзя миновать. Но когда ты на него попадаешься, а он попадался неоднократно, т. е. проявлял полную человеческую слабость в этом вопросе, то всегда из этого извлекается опыт, который опять укладывается в немой душевный пласт. Вы тогда знаете, чего стоит проигрыш и чего стоит выигрыш, и во что вы играете, именно потому, что способны сличить с грубой моделью. Так что, не унижая карты, я могу сказать, что это соблазн... как кто-то сказал... Вяземский, кажется... по поводу того, что... (опять не помню, пушкинист должен цитировать правильно...) что когда кто-то кого-то пригласил в публичный дом, тот сказал: «Извини, я женат!» «Но, – говорит, – если ты имеешь дома кухарку, то это не значит, что ты отказываешься обедать в ресторане!».

Значит, если вы имеете на протяжении жизни всё время игру... Это вот какой-то публичный дом игры – вот что я скажу! Это недаром публичное место, оно там сфокусировано и как раз самым грубым образом искушаешься это испытать. А в жизни это растворено в гораздо более нежных и

тонких поэтических соотношениях, в которых Пушкин был необыкновенный гроссмейстер. Вот такая приблизительно у меня аналитика.

Лермонтов, Михаил Юрьевич

Пермяков М.Ю.

(15 октября 1814, Москва – 27 июля 1841, Пятигорск) великий русский поэт. Вот одно из свидетельств его игры в банк:

Бумажник

«Однажды шла игра в карты на квартире у Лермонтова в Пятигорске. Около полуночи банк метал подполковник Лев Сергеевич Пушкин, младший брат поэта А. С. Пушкина... Проиграв ему несколько ставок, Лермонтов вышел на балкон, закурил трубку и, подойдя к брату своей бабушки Афанасию Алексеевичу Столыпину, сказал ему: «Достань, пожалуйста, из шкатулки старый бумажник!». Столыпин подал: Лермонтов взял новую колоду карт, стасовал и, выброся одну, накрыл её бумажником и с увлечением продекламировал:

*В игре, как лев силён
Наш Пушкин Лев.
Бьёт короля бубён,
Бьёт даму треф.
Но пусть всех королей
И дам он бьёт:
«Ва-банк!» – и туз червей
Мой – банк сорвёт!*

...Наконец возглас «бита»! разрешил состязание в

пользу Пушкина... Михаил Юрьевич стал отпирать бумажник с серебряным в полуполтинник замком с нарезным на нём циферблатом из десяти цифр, на одну из которых, по желанию, замок запирался. Повернув раза два-три механизм замка и видя, что он не отпирается, Лермонтов с досадой вырвал клапан, на котором держался запертый в замке стержень, вынув деньги, швырнул бумажник под диван...

Наутро, когда люди убрали комнаты, камердинер Лермонтова, Иван Соколов, поднял порванный бумажник и принёс его Михаилу Юрьевичу. «На кой он мне чёрт без денег!» – отозвался проигравшийся поэт и, рассмеявшись, прибавил: «Если нравится он тебе, возьми его себе!».

Сейчас этот бумажник можно увидеть в Лермонтовском музее.

(Т. Мельникова, заслуженный работник культуры России, директор Лермонтовского музея-заповедника «Тарханы»).

Мы можем верить или не верить в достоверность истории о том, что князь Александр Николаевич Голицын, который славился репутацией картёжника и мота, проиграл в карты свою супругу княгиню Марию Григорьевну (урождённую Вяземскую) графу Льву Кирилловичу Разумовскому. Случилось это в Москве в 1802 году. Но юный Лермонтов превратил эту легенду в большую литературу. Об этом случае написана «Тамбовская казначейша», из которой приведу фрагмент.

Тамбовская казначейша

*...Пошла игра. Один, бледнея,
Рвал карты, вскрикивал; другой,
Поверить проигрыши не смея,
Сидел с поникшей головой.
Иные, при удачной талье,
Стаканы шумно наливали
И чокались. Но банкомёт
Был нем и мрачен. Хладный пот
По гладкой лысине струился.
Он всё проигрывал дотла.
В ушах его дана, взяла
Так и звучали. Он взбесился —
И проиграл свой старый дом,
И всё, что в нём или при нём.
Он проиграл коляску, дрожки,
Трёх лошадей, два хомута,
Всю мебель, женины сережки,
Короче – всё, всё дочиста.
Отчаянья и злости полный,
Сидел он бледный и безмолвный.
Уж было полночь. Треща
Одна погасла уж свеча.
Свет утра синевато-бледный
Вдоль по туманным небесам
Скользил. Уж многим игрокам*

Сон прогулять казалось вредно,
Как вдруг, очнувшись, казначей
Вниманья просит у гостей.
И просит важно позволенья
Лишь талью прометнуть одну,
Но с тем, чтоб отыграть именье,
Иль «проиграть уж и жену».
О страх! о ужас! о злодейство!
И как доньине казначейство
Ещё терпеть его могло!
Всех будто варом обожгло.
Улан один прехладнокровно
К нему подходит. «Очень рад, —
Он говорит, — пускай шумят,
Мы дело кончим полюбовно,
Но только чур не плутовать —
Иначе вам не сдобровать!»
Теперь кружок понтёров праздных
Вообразить прошу я вас,
Цвета их лиц разнообразных,
Блистанье их очков и глаз,
Потом усастого героя,
Который понтирует стоя;
Против него меж двух свечей
Огромный лоб, седых кудрей
Покрытый редкими клочками,
Улыбкой вытянутый рот
И две руки с колодой — вот
И вся картина перед вами,

Когда прибавим вдалеке
Жену на креслах в уголке.
Что в ней тогда происходило —
Я не берусь вам объяснить;
Её лицо изобразило
Так много мук, что, может быть,
Когда бы вы их разгадали,
Вы поневоле б зарыдали.
Но пусть участия слеза
Не о туманит вам глаза:
Смешно участие в человеке,
Который жил и знает свет.
Рассказы вымышленных бед
В чувствительном прошедшем веке
Не мало проливали слез...
Кто ж в этом выиграл – вопрос?
Недолго битва продолжалась;
Улан отчаянно играл;
Над стариком судьба смеялась —
И жребий выпал... час настал...
Тогда Авдотья Николаевна,
Встав с кресел, медленно и плавно
К столу в молчаньи подошла —
Но только цвет её чела
Был страшно бледен. Обмлела
Толпа. Все ждут чего-нибудь —
Упрёков, жалоб, слёз... Ничуть!
Она на мужа посмотрела
И бросила ему в лицо

Свое венчальное кольцо...

А с каким знанием дела Лермонтовым написаны «Маскарад» и «Штосс»! Обстановка, страсти, реплики игроков, игровые термины:

*«— Да так он загнёт, пожалуй, тысяч на сто!
— Обрежется!..»*

Кстати, о карточной терминологии.

В 1995 году я получил благодарственное письмо от кафедры русского языка Венского университета за первое издание энциклопедии «Игорный Дом». У них «Маскарад» Лермонтова входит в программу. А немцы такие дотошные – спрашивают, что происходит в первом действии, на первой же странице:

*Иван Ильич, позвольте мне поставить.
Ну в добрый путь.
Вам надо счастье поправить,
А семпелями плохо – надо гнуть!*

А мы, носители языка, к стыду своему, сами не понимаем, что означают эти слова! Что такое *смпель*? Что такое *гнуть*?

В игре банк существовало понятие – «загнуть угол», означающее удвоение выигранной ставки. Поставил игрок на

карту, к примеру, на семёрку – выиграл. Он погибает уголком карты – банкомёт понимает, что ставка удвоена. Простая, одинарная ставка называлась сеппель, от французского simple, что означает «простой».

Нашли толкование в вашей энциклопедии. Спасибо!

Тут же становится понятен и эпиграф к «Пиковой даме»

Пушкина:

*А в ненастные дни
Собирались они
Часто;
Гнули – бог их прости! —
От пятидесяти
На сто,
И выигрывали,
И отписывали
Мелом,
Так, в ненастные дни,
Занимались они
Делом.*

Карточные термины в русском языке – отдельная большая тема. Выражение «ну, ты, брат, **загнул**» – из игры банк – сильно преувеличил. «**Втирать очки**» – шулерский приём, позволяющий понтёру обмануть банкомёта при помощи специально изготовленных **порошковых карт** в играх банк, штосс. Приём мог использоваться только в те времена, ко-

гда на картах-фосках не было цифрового обозначения достоинства карты и определить, семёрка это или восьмёрка, можно было только по количеству знаков масти (или очков) на лицевой стороне карты (на семёрке их было семь, а на восьмёрке, соответственно, – восемь). Место для помещения восьмого очка на семёрке мазалось липким составом и через трафарет насыпался порошок соответствующего цвета. Порошок слегка прилипал и образовывал пятно нужного цвета и формы, превращая семёрку на время в восьмёрку. Когда нужно было сделать из поддельной восьмёрки обратно семёрку, понтёр, вскрывая карту, должен был шаркнуть излишним очком по сукну стола, и оно тотчас исчезало. Приём этот, как и сами порошковые карты, был известен и описан в литературе уже в XVIII веке. В переносном смысле выражение «втирать очки» означает обманывать.

Крылов, Иван Андреевич

Криворуб У.А.

(1769–1844) знаменитый русский баснописец. В своё время известный игрок в карты. Про его склонность к игре существует такой анекдот:

«Лет двадцать Крылов ездил на промыслы картёжные. «Чей это портрет?» – «Крылова». – «Какого Крылова?» – «Да это первый наш литератор, Иван Андреевич». – «Что вы! Он, кажется, пишет только мелом на зелёном столе».

Крылов был членом Английского клуба в Санкт-Петербурге с 1817 года. После смерти Крылова в той комнате Английского клуба, где он постоянно играл в карты, установили его бюст. Описывая Английский клуб в поэме «Недавнее время», Н. А. Некрасов посвятил этому следующие строки:

*«Нынче скромн наш клуб именитый,
Редки в нём и не громки пиры.
Где ты, время ухи знаменитой?
Где ты, время безумной игры?..
...Да Крылов роковым переменам
Не подвергся (во время оно
Старый дедушка был у нас членом,
Бюст его завели мы давно)...»*

О картёжных пристрастиях Крылова свидетельствуют документы, изложенные в книге Г. Ф. Парчевского «Карты и картёжники», издание Санкт-Петербург, Пушкинский фонд,

1998 г.:

«В 1829 году в Петербурге увидел свет роман, имевший заметный успех у публики. В течение нескольких лет роман дважды переиздавался. Автор претендовал на изображение широкой картины современных нравов и, между прочим, поместил в пёстрой толпе своих героев несколько профессиональных карточных игроков.

Автор романа впоследствии утверждал, что игрецкие сцены в его книге основаны на истинных происшествиях, сообщённых ему очевидцем этих событий. И без обиняков назвал имя осведомлённого посетителя игорных домов – Ивана Андреевича Крылова».

О знакомстве Крылова с игрой и шулерской игрой не понаслышке свидетельствует текст из его «Почты духов», вынесенный в приложение «Литературные произведения»

История о басне «Волк на псарне»

Есть несколько свидетельств того, что Михаил Илларионович Кутузов, победитель Наполеона, носил в кармане рукопись басни Крылова «Волк на псарне» (подаренной ему автором) и любил при случае зачитать её и прокомментировать: как Иван Андреевич сказал! лучше не скажешь – Ты сер, а я, приятель, сед...

«Как масса бумажных денег подтверждается убедительным золотым запасом, так летучие сатиры Крылова часто опирались на вполне конкретные обстоятельства, о которых нынешние читатели не задумываются. Однако в некоторых случаях исторический комментарий вполне уместен: при его поддержке басни оказываются не только литературным фактом, но и свидетельством эпохи, дающим представление о состоянии и умонастроении русского общества в определенный период. Таковы, например, несколько басен, в которых отразились события Отечественной войны 1812 года.

«Волк на псарне» – это, как известно, пересказ одного из ключевых военных эпизодов. В конце сентября Наполеон, будучи в Москве, делал попытки заключить мир с русскими, что было бы выгодно и престижно для Франции и унижительно для России. Но Кутузов отказался вести мирные переговоры, а затем разгромил французов при Тарутине.

*...Пришел мириться к вам, совсем не ради ссоры;
Забудем прошлое, уставим обидный лад!
А я, не только впредь не трону zdeшних стад,
Но сам за них с другими грызться рад
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я...“ – „Послушай-ка, сосед, —
Тут ловчий перервал в ответ, —
Ты сер, а я, приятель, сед,
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
С волками иначе не делать мировой,
Как снявши шкуру с них долой». —
И тут же выпустил на Волка гончих стаю*

Между прочим, Крылов послал рукопись басни из Петербурга Кутузову, и тот лично прочитал ее вслух своим офицерам после сражения под Красным!

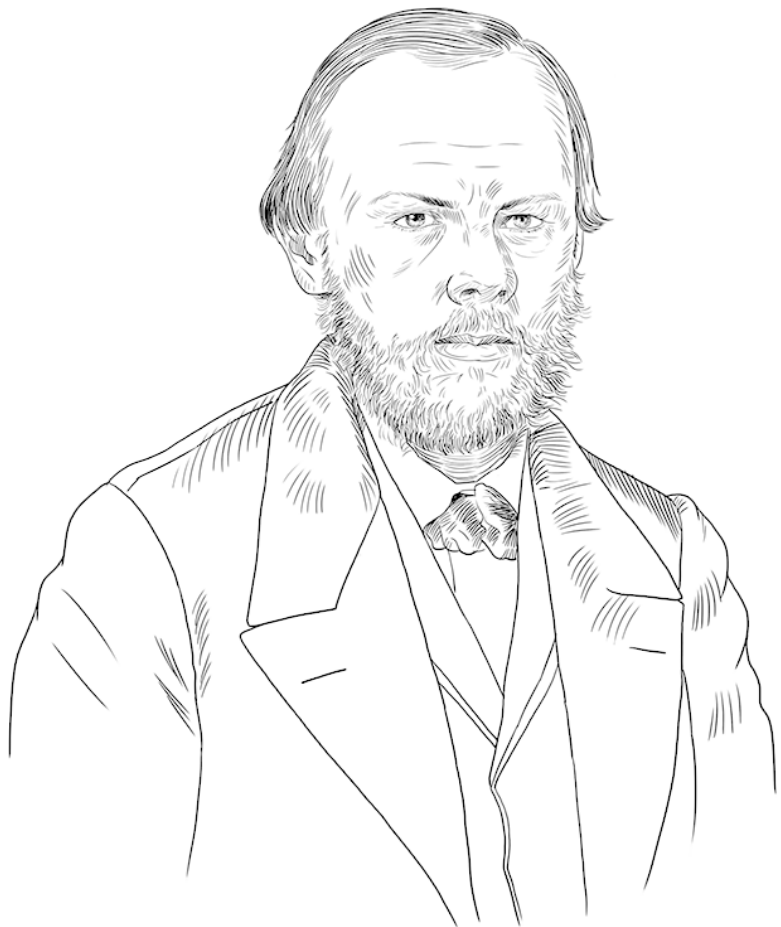
Александр Вулых в цикле «Великие шпилевые» посвятил Крылову такие строки:

*Иван Андреевич Крылов
Строки эзоповой художник,
Известен был как острослов
И как азартнейший картёжник.
Он был прикольным старичком,
Рубившим правильную фишку,
И потому игре в очко*

Он в басне научил мартышку.

Литература: Некрасов. Полное собрание сочинений и писем; Столетие С.-Петербургского Английского собрания; Крылов в воспоминаниях современников; Русский литературный анекдот конца XVIII – начала XIX века; Парчевский. Карты и картёжники.

Достоевский, Фёдор Михайлович

Александр ФМ

(1821–1881) великий русский писатель. Страстный игрок, азартный и несчастливый. Страсть к игре наложила большой отпечаток на творчество Достоевского и его взаимоотношения с окружающими. Испытав горький опыт проигрыша, чувства отчаяния и стыда, писатель поднимает осмысление таких категорий, как риск, азарт, игра, счастье, судьба, рок, долг, выигрыш и проигрыш... – на головокружительную высоту. Сохранились сведения, что в молодости Достоевский играл в карты – в банк, но больше он известен как страстный игрок в рулетку. Вот что сообщает об этом Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона:

В конце июля 1865 г. Д., кое-как устроив на время свои денежные дела, уехал за границу в Висбаден и там, к довершению своих материальных несчастий, проигрался в рулетку до копейки (он играл и в прежние поездки за границу и один раз выиграл 11000 франков; немного позднее он воспользовался своими наблюдениями и ощущениями, чтобы создать повесть «Игрок», слабую в художественном отношении, но интересную по глубине психологического анализа). Выпутавшись из критического положения с помощью старинного приятеля А. Е. Врангеля, Д. в ноябре приехал в Петербург и принялся усердно писать «Преступление и наказание», которое стало печататься в янв. книжке «Русского Вестника» за 1866 г.

Заметим, что, как и в случае со Львом Николаевичем Толстым, проигрыш послужил своего рода катализатором, ускорителем творческого процесса, хотя сам Фёдор Михайлович всю жизнь желает «крепиться и не писать на заказ». При написании «Игрока» Достоевский пользовался услугами стенографистки Анны Григорьевны Сниткиной, на которой женился 15 февраля 1866 года. А через два месяца вдвоём с ней уезжает за границу. В ближайшие 4 года будут написаны шедевры: «Идиот» (опубликован: «Русский Вестник» 1868–1869 г.) и «Бесы» (т. же, 1871 г.). Условия, при которых создавались эти произведения, в значительной степени объясняют их тон и настроение автора.

«Заграничное путешествие Достоевских – бегство от кредиторов, которые уже подали ко взысканию. Д., по собственным словам его, ничего не имел бы и против долгового отделения; но здоровье его до того расстроено, припадки падучей болезни до того участились, мозг был так потрясён, что в доме Тарасова он не вынес бы и месяца, а стало быть и долги остались бы невыплаченными. Чтобы обвенчаться и уехать, он сделал новый долг – взял вперёд у Каткова под задуманный им роман („Идиот“) 3000 р. Но из этих 3000 р. едва ли и третья часть переехала с ним за границу: ведь в Петербурге на его попечении остаются сын его первой жены и вдова его брата с детьми. Направляясь на юг, в Швейцарию, он заехал в Баден, сперва выиграл на рулетке 4000 франков, но

не мог остановиться и проиграл всё, что с ним было, не исключая своего платья и вещей жены; отсюда необходимость новых займов».

Самое полное представление о Достоевском-игроке дают выдержки из его писем жене.

Письма жене

*Ф. М. Достоевский – А. Г. Достоевской
(Nombourg. 18 мая 1867, 10 часов утра. Суббота.)*

...Здравствуй, Ангел мой, Аня... А тут игра, от которой оторваться не мог. Можешь представить, в каком я был возбуждении. Представь же себе: начал играть ещё утром и к обеду проиграл 16 имперялов. Оставалось только 12 да несколько талеров. Пошёл после обеда с тем, чтобы быть благоразумнее до нельзя и, слава Богу, отыграл все 16 проигранных да сверх того выиграл 100 гульденов. А мог бы выиграть 300, потому что уже были в руках, да рискнул и спустил.

Вот моё наблюдение, Аня, окончательное: если быть благоразумным, то есть быть как из мрамора, холодным и нечеловечески осторожным, то непременно, без всякого сомнения, можно выиграть сколько угодно. Но играть надо много времени, много дней, довольствуясь малым, если не везёт, и не бросаясь насильно на шанс. Есть тут один...: он играет уже несколько дней, с ужасным хладнокровием и расчётом, нечеловеческим (мне его показывали), и его уже начинает бояться банк: он загребает деньги и уносит каждый день по крайней мере 1000 гульденов. —

Одним словом, постараюсь употребить нечеловеческое усилие, чтоб быть благоразумнее, но, с другой стороны, я никак не в силах оставаться здесь

несколько дней. Безо всякого преувеличения, Аня: мне до того уже всё противно, то есть ужасно, что я бы сам собой убежал...

...А между тем это наживание денег даром, как здесь (не совсем даром: платишь мукой), имеет что-то раздражительное и одуряющее, а как подумаешь, для чего нужны деньги, как подумаешь о долгах и о тех, которым кроме меня надо, то и чувствуешь, что отойти нельзя. Но воображаю же муку мою, если я проиграю и ничего не сделаю: столько пакости принять даром и уехать ещё более нищему, нежели приехал...

Ф. М. Достоевский – А. Г. Достоевской

(Нотбург. Воскресенье 19 мая 1867, 10 часов утра.)

...День вчера был для меня прескверный. Я слишком значительно (судя относительно) проигрался. Что делать: не с моими нервами, ангел мой, играть. Играл часов десять, а кончил проигрышем. Было в продолжение дня и очень худо, был и в выигрыше, когда счастье переменялось – всё расскажу, когда приеду. Теперь на оставшиеся (очень немного, капелька) хочу сделать сегодня последнюю пробу...

...Употреблю последние усилия. Видишь: усилия мои каждый раз удаются, покамест я имею хладнокровие и расчёт следовать моей системе; но как только начнётся выигрыш, я тотчас начинаю рисковать, сладить с собой не могу; ну что-то скажет последняя сегодняшняя проба. Поскорей бы уж...

...Р. С. Подробностей сколько выиграл, сколько проиграл не пишу; всё расскажу при свидании. Одним словом, покамест плохо...

*Ф. М. Достоевский – А. Г. Достоевской
(Notbourg. Понедельник 20 мая 1867, 10 часов утра.)*

...Веришь ли: я проиграл вчера всё, всё до последней копейки, до последнего гульдена, и так и решил писать тебе поскорей, чтоб ты прислала мне денег на выезд. Но вспомнил о часах и пошёл к часовщику их продать или заложить. Здесь это ужасно всё обыкновенно, то есть в игорном городе. Есть целые магазины золотых и серебряных вещей, которые только тем и промышляют. Представь себе, какие подлые эти немцы: он купил у меня часы, с цепочкой (стоили мне 125 руб. по крайней цене) и дал мне за них всего 65 гульденов, то есть 43 талера, то есть почти в 2,5 раза меньше.

Но я продал с тем, чтоб он дал мне одну неделю срока и что, если я в течение недели приду выкупить, то он мне отдаст, разумеется с процентом. И представь себе, на эти деньги я всё-таки отыгрался и сегодня пойду сейчас выкупить часы. Затем у меня останется 16 фридрихсдоров. Я отыграл их тем, что переломил себя вчера и решительно не давал себе увлекаться. Это даёт мне некоторую надежду. Но боюсь, боюсь. Что-то скажет сегодняшней день...

Ф. М. Достоевский – А. Г. Достоевской
(Notbourg. Вторник 21 мая 1867, 10 часов утра.)

...Милый мой ангел, вчера я испытал ужасное мучение: иду, как кончил к тебе письмо, на почту, и вдруг мне отвечают, что нет от тебя письма. У меня ноги подкосились... С час я ходил по саду, весь дрожа; наконец, пошёл на рулетку и всё проиграл. Руки у меня дрожали, мысли терялись и даже проигрывая почти как-то рад был, говорил: пусть, пусть. Наконец, весь проигравшись (а меня это даже и не поразило в ту минуту), ходил часа два в парке, Бог знает куда зашёл; я понимал всю мою беспомощность; решил, что если завтра, то есть сегодня, не будет от тебя письма, то ехать к тебе немедленно. А с чем? Тут я воротился и пошёл опять заложить часы...

...закладные за часы почти проиграл, всего у меня теперь двадцать пять флоринов, а надо расплатиться в отеле, надо заплатить за дорогу...

...Слушай же: игра кончена, хочу поскорее воротиться; пришли же мне немедленно, сейчас как получишь это письмо, двадцать (20) импералов. Немедленно, в тот же день, в ту же минуту, если возможно. Не теряй ни капли времени. В этом величайшая просьба моя...

...А главное, спеши послать. Завтра или послезавтра подадут в отеле счёт, и если не будет ещё денег от тебя, надо идти к хозяину извиняться, тот,

пожалуй, пойдёт в полицию: избавь меня от этого мучения, то есть высылай скорее...

...Ради Бога, давай банкиру адрес точнее, Nombourg, а не Natbourg, напиши адрес на бумаге. Буду ждать с нетерпением. Получив же, сразу приеду...

...P. S. Ради Бога, торопись с деньгами. Поскорей бы только отсюда выехать! Деньги адресуй poste restante. Замучил я тебя, ангел мой!..

В дневнике жены Достоевского сохранилась запись об этом письме: «...Я уже приготовилась к содержанию письма, именно, что всё проиграно и что надо послать деньги, так что оно меня нисколько не удивило. Но я была очень рада и счастлива, что Федя так меня любит, что он так испугался, когда не получил моего письма.» (А. Г. Достоевская. Воспоминания).

*Ф. М. Достоевский – А. Г. Достоевской
(Nombourg. Среда 22 мая 1867, 10 часов утра.)*

...Прости меня, ангел мой, но я войду в некоторые подробности насчёт моего предприятия, насчёт этой игры, чтоб тебе ясно было, в чём дело. Вот уже раз двадцать подходя к игорному столу, я сделал опыт, что если играть хладнокровно, спокойно и с расчётом, то нет никакой возможности проиграть!

Клянусь тебе, возможности даже нет!

Там слепой случай, а у меня расчёт, следовательно, у меня перед ними шанс.

Но что обыкновенно бывало? Я начинал

обыкновенно с сорока гульденов, вынимал их из кармана, садился и ставил по одному, по два гульдена. Через четверть часа, обыкновенно (всегда) я выигрывал вдвое. Тут-то бы и остановиться, и уйти, по крайней мере до вечера, чтоб успокоить возбуждённые нервы (к тому же я сделал замечание (вернейшее), что я могу быть спокойным и хладнокровным за игрой не более как полчаса сряду). Но я отходил только чтоб выкурить папироску и тотчас же бежал опять к игре.

Для чего я это делал, зная наверно почти, что не выдержу, то есть проиграю? А для того, что каждый день, вставая утром, решил про себя, что это последний мой день в Гомбурге, что завтра уеду, а следственно, мне нельзя было выжидать у рулетки. Я спешил поскорее, изо всех сил, выиграть сколько можно более, зараз в один день (потому что завтра ехать), хладнокровие терялось, нервы раздражались, я пускался рисковать, сердился, ставил уже без расчёту, который терялся, и – проигрывал (потому что кто играет без расчёту, на случай, тот безумец)...

...отправив тебе письма, с просьбою выслать деньги, я пошёл в игорную залу; у меня оставалось в кармане всего-навсего двадцать гульденов (на всякий случай), и я рискнул на десять гульденов. Я употребил сверхъестественное почти усилие быть целый час спокойным и расчётливым, и кончилось тем, что я выиграл тридцать золотых фридрихсдоров, то есть 300 гульденов. Я был так рад и так страшно, до безумия захотелось мне сегодня же поскорее всё

покончить, выиграть ещё хоть вдвое и немедленно ехать отсюда, что, не дав себе отдохнуть и опомниться, бросился на рулетку, начал ставить золото и всё, всё проиграл, до последней копейки, то есть осталось всего два гульдена на табак...

Играя помаленьку, каждый день, возможности нет не выиграть, это верно, верно, двадцать опытов было со мною, и вот, зная это наверно, я выезжаю из Гомбурга с проигрышем; и знаю тоже, что если б я себе хоть четыре только дня мог дать ещё сроку, то в эти четыре дня я бы наверно всё отыграл. Но уж конечно я играть не буду!..

Ф. М. Достоевский – А. Г. Достоевской
(Notbourg. 24 мая 1867. 10 часов утра.)

...Аня, милая, друг мой, жена моя, прости меня, не называй меня подлецом! Я сделал преступление, я всё проиграл, что ты мне прислала, всё, всё до последнего крейцера, вчера же получил и вчера проиграл! Аня, как я буду теперь глядеть на тебя, что скажешь ты про меня теперь! Одно, и только одно ужасает меня: что ты скажешь, что подумаешь обо мне? Один твой суд мне и страшен! Можешь ли, будешь ли ты теперь меня уважать! А что и любовь без уважения! Ведь этим весь наш брак поколебался. О, друг мой, не вини меня окончательно!..

...При наших и без того скверных обстоятельствах, я извёл на эту поездку в Гомбург и проиграл слишком

1000 франков, до 350 руб.! Это преступление!..

Да что теперь оправдываться. Теперь поскорей к тебе. Присылай скорей, сию минуту денег на выезд, – хотя бы были последние. Не могу я здесь больше оставаться, не хочу здесь сидеть. К тебе, к тебе скорее, обнять тебя...

...Десять импералов, то есть 90 с чем-то гульденов, чтоб только расплатиться и доехать. Сегодня пятница, в воскресенье получу и в тот же день во Франкфурт, а там возьму Schnellzug и в понедельник у тебя.

Ангел мой, не подумай как-нибудь, чтоб я и эти проиграл. Не оскорбляй меня уж до такой степени! Не думай обо мне так низко. Ведь и я человек! Ведь есть же во мне хоть сколько-нибудь человеческого. Не вздумай как-нибудь, не доверяя мне, сама приехать ко мне. Эта недоверчивость к тому, что я не приеду – убьёт меня. Честное тебе слово даю, что тотчас поеду, несмотря ни на что...

Ф. М. Достоевский – А. Г. Достоевской

(Воскресенье 6 октября 1867. Saxon les Bains. 7,5 часов вечера.)

...Аня, милая, я хуже, чем скот! Вчера к десяти часам вечера был в чистом выигрыши 1300 фр. Сегодня – ни копейки. Всё! Всё проиграл! И всё оттого, что подлец лакей Hotel des Bains не разбудил, как я приказывал, чтоб ехать в 11 часов в Женеву. Я проспал

до половины двенадцатого. Нечего было делать, надо было отправляться в 5 часов, я пошёл в 2 часа на рулетку и – всё, всё проиграл...

Ф. М. Достоевский – А. Г. Достоевской
(Saxon les Bains. Воскресенье 17 ноября 1867.)

... – Ах голубчик, не надо меня и пускать к рулетке! Как только проснулся – сердце замирает, руки-ноги дрожат и холодеют. Приехал я сюда без четверти четыре и узнал, что рулетка до 5 часов. (Я думал, что до четырёх). Стало быть, час оставался. Я побежал. С первых ставок спустил 50 франков, потом вдруг поднялся, не знаю насколько, не считал; затем пошёл страшный проигрыш; почти до последков. И вдруг на самые последние деньги отыграл все мои 125 франков и, кроме того, в выигрыше на 110. Всего у меня теперь 235 франков. Аня, милая, я сильно было раздумывал послать тебе сто франков, но слишком ведь мало. Если бы по крайней мере 200. Зато даю тебе честное и великое слово, что вечером, с 8 часов до 11-ти, буду играть... благоразумнейшим образом, клянусь тебе. Если же хоть что-нибудь прибавлю к выигрышу, то завтра же (несколько слов зачёркнуто) непременно пошлю тебе, а сам наверное приеду послезавтра, то есть во вторник.

Ф. М. Достоевский – А. Г. Достоевской
(Saxon les Bains. Понедельник 18 ноября 1867.)

...Аня, милая, бесценная моя, я всё проиграл, всё, всё! О, ангел мой, не печалься и не беспокойся! Будь уверена, что теперь настанет, наконец, время, когда я буду достоин тебя и не буду более тебя обкрадывать, как скверный, гнусный вор! Теперь роман, один роман спасёт нас, а если б ты знала, как я надеюсь на это! Будь уверена, что я достигну цели и заслужу твоё уважение. Никогда, никогда я не буду больше играть...

...И потому умоляю тебя, Аня, мой ангел-спаситель: пришли мне, чтоб расплатиться в отеле, 50 франков. Если в среду, утром рано или завтра, во вторник, вечером успеешь послать, то я получу в среду вечером и в четверг, утром, или в 6-м часу вечера, буду у тебя.

Ф. М. Достоевский – А. Г. Достоевской
(Saxon les Bains. Суббота 4 ноября 1868.)

...Милый мой ангел Нютя, я всё проиграл, как приехал, в полчаса всё и проиграл. Ну что я скажу тебе теперь, моему ангелу Божьему, которого я так мучаю. Прости Аня, я тебе жизнь отравил!..

...Пришли мне как можно больше денег. Не для игры (покаялся бы тебе, но не смею, потому что я тысячу раз тебе лгал)...

...Ангел мой, пришли 100 фр. У тебя останется

20 или меньше, заложи что-нибудь. Только бы мне поскорее к тебе!..

...Не считай, Аня, моего требования 100 франков сумасшествием. Я не сумасшедший! И порочным не считай тоже: не сподличаю, не обману, не пойду играть. Я только для верности спрашиваю...

Ф. М. Достоевский – А. Г. Достоевской
(Vains-Saxon 4-го апреля 9,5 часов вечера 1868.)

Ангел Аня, вместо меня придёт к тебе завтра, в 5 часов, это письмо...

...я пошёл играть в 8 часов – и всё проиграл! У меня теперь те же 50 сантимов. Друг мой! Пусть это будет моим последним и окончательным уроком, да, урок ужасен!..

... – Не думай, о, не думай, мой ангел, что я из 100 франков, которые ты мне пришлешь, хоть один франк проиграю теперь!..

Ф. М. Достоевский – А. Г. Достоевской
(Висбаден. Пятница 28 апреля 1871 г.)

...Аня, ради Христа, ради Любы, ради всего нашего будущего не беспокойся, не волнуйся и дочти письмо до конца, со вниманием. В конце увидишь, что, в сущности, беда не стоит такого отчаяния, а напротив, есть нечто, что приобретётся и будет гораздо дороже

стоить, чем за него заплачено! Итак, успокойся, ангел, и выслушай, дочитай. Ради Христа, не погуби себя.

Бесценная моя, друг мой вечный, ангел мой небесный, ты понимаешь, конечно – я всё проиграл, все 30 талеров, которые ты прислала мне. Вспомни, что ты одна у меня спасительница и никого в целом мире нет, кто бы любил меня. Вспомни тоже, Аня, что есть несчастья, которые сами в себе носят и наказание. Пишу и думаю: что с тобою будет? Как на тебя подействует, не случилось бы чего! А если ты меня пожалеешь в эту минуту, то не жалея, мало мне этого!..

...Теперь, Аня, верь мне или не верь, но я клянусь тебе, что не имел намерения играть! Чтобы ты поверила мне, я признаюсь во всём: когда я просил у тебя телеграммой 30 талеров, а не 25, то я хотел на пять талеров ещё рискнуть, но и то не наверно. Я рассчитывал, что если останутся деньги, то я всё равно привезу их с собой. Но когда я получил сегодня 30 талеров, то я не хотел играть...

...Ты для меня всё своё заложила в эти 4 года и скиталась за мною в тоске по родине! Аня, Аня, вспомни тоже, что я не подлец, а только страстный игрок...

...У меня осталось полтора талера мелочью, стало быть, на телеграмму есть (15 грошей)...

...Аня, спаси меня в последний раз, пришли мне 30 (тридцать талеров)...

...Аня, я лежу у твоих ног и целую их, и знаю,

что ты имеешь полное право презирать меня, а стало быть, и подумать: «Он опять играть будет». Чем же поклянусь тебе, что не буду; я уже тебя обманул. — Но, ангел мой, пойми: ведь я знаю, что ты умрёшь, если б я опять проиграл! Не сумасшедший же я вовсе! Ведь я знаю, что сам тогда я пропал. Не буду, не буду, не буду и тотчас приеду! Верь. Верь в последний раз и не раскаешься: теперь буду работать...

В дневнике жены Достоевского сохранилась запись об этом письме: «...Фёдор Михайлович так часто говорил о несомненной гибели своего таланта, так мучался мыслью, чем он прокормит свою всё увеличивающуюся и столь дорогую для него семью, что я иногда приходила в отчаяние. Чтобы успокоить его тревожное настроение и отогнать мрачные мысли, мешавшие ему сосредоточиться на своей работе, я прибегла к тому средству, которое всегда рассеивало и развлекало его.

Воспользовавшись тем, что у нас имелась некоторая сумма денег (талеров триста), я завела как-то речь о рулетке, о том, отчего бы ему ещё раз не попытать счастья, говорила, что приходилось же ему выигрывать, почему не надеяться, что на этот раз удача будет на его стороне, и т. п. Конечно, я ни минуты не рассчитывала на выигрыш и мне очень жаль было ста талеров, которыми приходилось пожертвовать, но я знала из опыта прежних его поездок на рулетку, что, испытав новое бурное впечатление, удовлетворив свою потребность к риску, к игре, Фёдор Михайлович вернётся успокоенным,

и, убедившись в тщетности его надежд на выигрыш, он с новыми силами примется за роман и в две-три недели вернёт всё проигранное. Моя идея о рулетке была слишком по душе мужу, и он не стал от неё отказываться. Взяв с собою сто двадцать талеров, он уехал в Висбаден.» (А. Г. Достоевская. Воспоминания).

*Ф. М. Достоевский – А. Г. Достоевской
(Висбаден. Суббота 29 апреля 1871 г.)*

...Милый друг Анечка...

...Я тебе описал всё в том письме; я проиграл твои последние тридцать рублей и прошу тебя ещё раз спасти меня, в последний раз, – выслать мне ещё тридцать рублей...

*Ф. М. Достоевский – А. Г. Достоевской
(Висбаден. 1 мая 1871 г. Понедельник.)*

...Последнее: вероятно, я приеду голодный, потому что, кажется, не хватит денег для обедов в дороге. И потому прошу приготовить кусочек чего-нибудь (ну хоть чего-нибудь) к моему приезду. И если ты вполне христианка, голубчик Аня, то не забудь приготовить к моему приезду пакет папиросок, потому что у меня наверно ничего не будет курить...

Жена Достоевского писала в своих воспоминаниях: «...

Конечно, я не могла сразу поверить такому громадному счастью, как охлаждение Фёдора Михайловича к игре на рулетке. Ведь он много раз обещал мне не играть, но не в силах был исполнить своего слова. Однако счастье это осуществилось, и это был действительно последний раз, когда он играл на рулетке.

Впоследствии во все свои поездки за границу (1874, 1875, 1876, 1879 гг.) Фёдор Михайлович ни разу не подумал поехать в игорный город. Правда, в Германии вскоре были закрыты рулетки, но существовали в Спа, Саксоне и в Монте-Карло. Расстояние не помешало бы мужу съездить туда, если б он пожелал. Но его уже более не тянуло к игре. Казалось, эта «фантазия» Фёдора Михайловича выиграть на рулетке была каким-то наваждением или болезнью, от которой он внезапно и навсегда исцелился.» (А. Г. Достоевская. Воспоминания).

Духовная сторона лудомании¹ Достоевского

Ю. Селезнёв в своём исследовании «Достоевский» анализирует духовную сторону этой страсти Фёдора Михайловича: «...В Бадене, сняв номер из двух сообщающихся комнат, он оставил Полину (Аполлинарию Суслову – сост.) приводить себя в порядок с дороги, а сам куда-то убежал.

Ещё в первый приезд в Европу его вдруг нестерпимо поманило испытать судьбу на рулетке в одном из игорных домов. Тогда, неожиданно для себя, он легко выиграл десять тысяч франков.

С тех пор мысль о рулетке постоянно томила... Собственно, всякая азартная игра всегда имела на него какое-то непонятное притягательное, которому невозможно было противиться, влияние. Сначала он стыдился своего увлечения, потом нашёл ему оправдание: ему-де как писателю просто необходимо испытать на себе и эту страсть, владеющую натурой игрока. Затем вдруг ощутил невозможность и даже совершенное нежелание противиться этой страсти: в ней была своя поэзия риска и поэзия надежды, то всеохватывающее состояние переступания за очерченную судьбой черту, леденящее душу и вместе доводящее до восторга, о котором и

---

¹ Лудомания – болезненное пристрастие к азартным играм.

Пушкин писал: «Есть упоение в бою и бездны мрачной на краю...».

Да, игра – это бой, схватка с невидимым, но могучим и коварным противником – вечно усмехающимся над человеком, слепым роком; это дерзкий вызов случаю, отчаянная попытка своей собственной волей изменить круг предначертанности. И разве же не были в этом смысле игроками и Магомет и Наполеон? Разве не поставили они на карту и собственную жизнь, и жизни миллионов людей, круто изменив привычный ход истории? А Гомер и Шекспир?

Ведь выиграл же? И ад мёртвого дома прошёл – теперь он чувствовал неодолимое желание пройти и ад рулетки, этой игры с жизнью. Потому что это действительно ад или, вернее, один из кругов его, образ и символ преисподней. Жизнь, совесть, честь, любовь – всё святое бросается в общее, крутящееся пекло колеса рулетки, перемешивается с франками, талерами, слитками золота, тысячами, сотнями тысяч, может быть, и с миллионом – и... мгновения ожидания – адское колесо крутится, крутится, и кажется, в нём сосредоточена сейчас вся вселенная со всеми своими страстями, надеждами и возможностями, но – остановилось – и тут самый страшный, самый критический миг: кто выиграл, кто проиграл – ты или рок? Что на что обменяно? Нет, тут не просто корысть, тут в несколько минут переживаешь ощущение вечности...

Ещё в 59-м, в Семипалатинске, прочитал он надолго за-

павшую в сознание статью – «Из записок игрока», рассказывающую о нравах игорных домов Баден-Бадена, Гомбурга, Висбадена, Женевы, где порою в считанные минуты выигрываются и проигрываются целые состояния, где вчерашние нищие становятся миллионерами, а миллионеры – самоубийцами.

«В Висбадене, – читал он, – ещё очень недавно молодой человек, проигравший там всё своё состояние, в порыве отчаяния застрелился в игорной зале в виду многочисленной публики, столпившейся вокруг рулетки. Замечательно, что печальное событие это не прервало даже хода игры, и выкликавший номера продолжал вертеть цилиндр с таким же хладнокровием, с каким приказал служителю вычистить зелёное поле стола, на который брызнул мозг из разможжённой головы игрока».

С тех пор Достоевский читал всё, что только было доступно ему об этом фантастическом мире игры с его любимцами и неудачниками, теоретиками и философами рулетки, с прожигателями состояний и умельцами, живущими недурно только за счёт небольших, но постоянных выигрышей.

В 62-м Достоевский не столько играл, сколько ещё и наблюдал за играющими, следил за выпадающими номерами, пытаясь если не осмыслить, то хоть угадать в общих чертах тайну выигрыша, отыскать хоть какую-то закономерность в этой цепи случайностей – не может быть, чтобы тонкость ума и чутьё человеческое не одолели грубость слепого случая, –

убеждал он себя.

Конечно, не одна только дьявольская поэзия рулетки искушала его; тут усмехался и другой властный демон – миллион.

«О, не говорите о корысти. Корысть здесь на последнем месте, корысть – это десяток, ну сотня, несколько сот франков на роскошный обед, на любовницу, на что угодно, а миллион! – миллион – это идея... Корысть – это Краевский, литературный ростовщик и промышленник, хотя и накопил, пожалуй, не один миллион, но – годами грабя авторов, нещадно эксплуатируя мозг и талант сотрудников и писателей. Здесь, на рулетке, здесь, только представьте себе: мгновение – и вы одним махом, одним дерзким движением вырываете у судьбы то, на что тратят свои жизни порой целые поколения. Здесь – всё либо уж ничего... Нужно только решиться, позволить себе переступить через страх риска – и...»

А с миллионами можно много сделать, и главное – свобода: от постоянной нужды писать из-за куска хлеба, вечной зависимости от кредиторов, ростовщиков, работодателей, потому что писать из-за денег невыносимо и физически и нравственно».

В произведениях Ф. М. Достоевского часто упоминается игра в карты, употребляется карточная терминология. В «Братьях Карамазовых» описана игра «поддельной» т. е. шулерской колодой. В романах «Подросток» и, особенно, «Иг-

рок» подробно рассказано об игре в рулетку.

Евгений Витковский об отношении Достоевского к преферансу

В книге «Русский преферанс» опубликовано небольшое исследование Е. Витковского об отношении Достоевского к игре преферанс:

«Достоевский оказался чуть ли не единственным из русских писателей, удостоившим преферанс ненависти. В 1848 г. (15 ноября) писатель впервые посетил дом Панаевых, где Белинский играл в бесконечный преферанс; 1846 год – год выхода «Бедных людей», первого произведения, принесшего великому писателю настоящую известность. Панаева, которой Фёдор Михайлович без взаимности увлекался тогда, вспоминает о том времени:

«Достоевский претендовал на Белинского за то, что тот играет в преферанс, а не говорит с ним о его «Бедных людях».

– «Как можно умному человеку просидеть даже десять минут за таким idiotским занятием, как карты! А он сидит по два и по три часа!» – говорил Достоевский с каким-то озлоблением. – «Право, ничем не отличишь общество чиновников от литераторов: то же тупоумное препровождение времени» (хотя есть сведения, что играть в банк Достоевский пробовал, но не увлёкся. – Е. В.).

Достоевского в полной мере постигло наказание, о котором вспоминает его дочь Л. Ф. Достоевская, припоминая известную поговорку «Кто не безумствовал в 20 лет, тот совершает безумства в 40». Именно во время второго заграничного путешествия Достоевского (август – октябрь 1863 г.) им завладевает настоящая игорная страсть, так ярко отразившаяся в «Игроке». Осуждая вполне невинную карточную игру, пусть даже и коммерческую, сам Фёдор Михайлович превратился в азартного игрока: страстью его стала рулетка. В письме из Парижа к В. Д. Констант от 1 сентября (по новому стилю) 1863 г. Достоевский описывает игру в Висбадене:

«Я, Варвара Дмитриевна, в эти четыре дня присмотрелся к игрокам. Их там понтирует несколько сот человек, и, честное слово, кроме двух, не нашёл умеющих играть. Все проигрываются дотла, потому что не умеют играть. Играла там одна французженка и один английский лорд; вот эти так умели играть и не проигрались, а напротив, чуть банк не затрепал. Пожалуйста, не думайте, что я форсю с радости, что не проиграл, говоря, что знаю секрет, как не проиграть, а выиграть. Секрет-то я действительно знаю...»

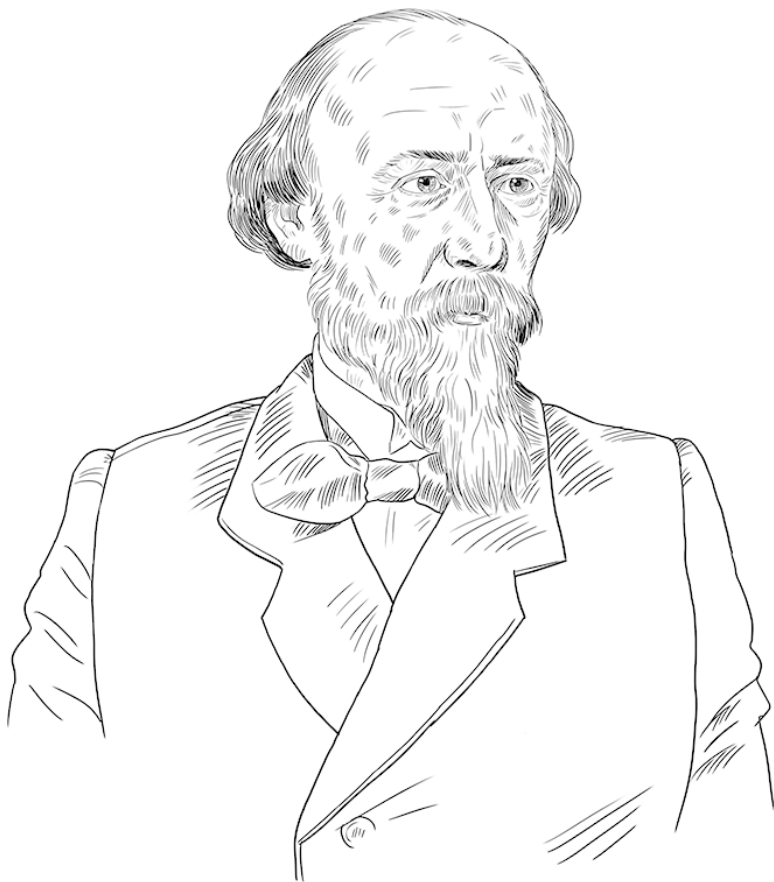
Что было дальше, общеизвестно – дикие рулеточные проигрыши Достоевского: «Проиграл вчера всё, всё до последней копейки» (в письме к жене А. Г. Достоевской от 20 мая 1867 г. из Хомбурга) – и чуть не удвоившееся по сравнению с возможным нынешнее «Полное собрание сочинений» До-

стоевского: классик писал и писал, ибо другого способа заплатить карточные проигрыши не видел.

Как писатель Достоевский, впрочем, вполне разобрался и в картах – стоит вспомнить лишь «Братьев Карамазовых» и описанную там «поддельную» (т. е. шулерскую) колоду. Страсть же к коммерческой игре – висту, преферансу и винту – сердца Достоевского не посетила. Он злился на Белинского, он пошёл к Петрашевскому и на каторгу, – ну, а попал в Хомбург и Висбаден. Из Достоевского вышел игрок, а не картёжник, для него была важна игра, но ещё важней выигрыш. В выигрыше осталась русская литература.

Литература: Ф. М. Достоевский, А. Г. Достоевская. Переписка; А. Г. Достоевская. Воспоминания; А. Н. Достоевский. Воспоминания; В. Ф. Ходасевич. Московский Литературно-Художественный Кружок; Ю. И. Селезнёв. Достоевский; Д. С. Лесной. Русский преферанс.

Некрасов, Николай Алексеевич

(1821–1877) величайший картёжник среди знаменитых русских писателей, без чьей игры – отчасти взяток цензорам, подававшихся как «проигрыш», – возможно, никогда не состоялся бы «послепушкинский» «Современник» и вся история русского народничества пошла бы другим путём, возможно, ещё худшим, чем тот, который сложился в жизни. Игра Некрасова заслуживает отдельной монографии, поэтому здесь, за недостатком места, приводятся лишь отдельные описания его стиля игры.

В частности, Н. Г. Чернышевский приводит слова Некрасова, сказанные им в 1853 г. при первом знакомстве:

«Видите ли, я играю в карты; веду большую игру. В коммерческие игры я играю очень хорошо, так что вообще остаюсь в выигрыше. И пока я играю только в коммерческие игры, у меня увеличиваются деньги. В это время и употребляю много на надобности журнала. Но – не могу долго выдержать рассудительности в игре; следовало бы играть постоянно только в коммерческие игры; и у меня теперь были б уж очень порядочные деньги. Но как наберётся у меня столько, чтоб можно было играть в банк, не могу удержаться: бросаю коммерческие игры и начинаю играть в банк. Это несколько раз в год. Каждый раз проигрываю всё, с чем начал игру».

Тот же Чернышевский вспоминает о мечтах Некрасова «приобрести возможность держать банк, потому что банкир,

по какому-то странному ходу оборотов игры, вообще, должно быть, больше выигрывает, чем проигрывает». В начале 1840-х годов Некрасов опубликовал несколько произведений в прозе и в стихах, посвящённых непосредственно преферансу.

Публикация поэмы «Говорун» датируется июнем 1843 г. – к этому времени преферанс вошёл в Петербурге в широчайшую моду, – играл в него и Некрасов, ставший одним из первых «певцов» преферанса. 30 ноября 1844 г. в «Литературной газете» был опубликован знаменитый фельетон-водевиль «Преферанс и солнце» – третье после книги Кульчицкого и пьесы Григорьева «главное» преферансное произведение в русской литературе.

В поэме «Чиновник», опубликованной в начале 1845 г., Некрасов признаётся:

*Но вечеров без карт я не терплю
И, где их нет, постыдно засыпаю...*

Интересно отметить, что Белинский отметил «Чиновника» как «одно из лучших произведений русской литературы 1845 года». Опять-таки А. Я. Панаева в «Воспоминаниях о домашней жизни Н. А. Некрасова» рассказывает эпизод (почти наверняка подлинный), когда преферанс превратился для Некрасова в ежевечернюю игру (а отнюдь не прелюдию к банку или другому азартному занятию):

«Я уже упоминала, какие печальные последствия имела история Петрашевского на „Современник“: Все говорили тихим голосом, передавая тревожные известия об участии литераторов, замешанных в историю Петрашевского. По вечерам, для развлечения, Некрасов стал играть в преферанс по четверть копейки с двоюродными братьями Панаева, с художником Воробьёвым и его братом».

В более поздние годы, когда Некрасов стал членом Английского клуба, когда игра стала для него и радостью, и необходимостью, и ежедневной повинностью, преферанс, разумеется, отошёл на второй план. А. М. Скабичевский приводит по памяти довольно пространный монолог Некрасова, рисующий само его отношение к карточной игре как к творческому и во многом мистическому процессу:

«Самое большое зло в игре – проиграть хоть один грош, которого вам жалко, который предназначен вами по вашему бюджету для иного употребления. Нет ничего легче потерять голову и зарваться при таких условиях. Если же вы хотите быть хозяином игры и ни на одну минуту не потерять хладнокровия, необходимо иметь особенные картёжные деньги, отложить их в особенный бумажник и наперёд обречь их ни на что иное, как на карты, и вести игру не иначе, как в пределах этой суммы.

Вот, например, я в начале года откладываю тысячу двадцать, – и это моя армия, которую я так уж и

обрекаю на гибель. Начинаю я играть, – допустим, что несчастно, проигрываю я тысячу, другую, третью, – я остаюсь спокоен, потому что деньги я проигрываю не из своего бюджета, а как бы какие-то посторонние. Положим, что играю я в штосс, вижу – в штосс мне не везёт. Тогда я бросаю его, принимаюсь за ландскнехт. Играю в него – неделю, месяц. Если и в ландскнехт не везёт, принимаюсь за макао, за пикет, за мушкет. И поверьте, что, перебравши таким образом три-четыре игры, я непременно натыкаюсь на такую, в которой мне так начинает везти, что я в два-три присеста не только возвращаю всё проигранное в предыдущие игры, но и выигрываю ещё столько же. Напавши таким образом на счастливую игру, я уж и держусь её до тех пор, пока мне в ней везёт.

А чуть счастье отвернётся, я бросаю её и опять начинаю искать своей полосы в других играх. И я не знаю уж, что за чертовщина, фатум какой или случайность, но верьте моему опыту, что в каждый данный момент существуют для вас две игры: одна безумно счастливая, другая – напротив того. Вся мудрость в картах в том и заключается, чтобы уметь уловить первую и вовремя воздержаться от последней. Если же вы будете упорствовать в несчастной игре и добиваться в ней поворота счастья, – пропащее дело!..»

Скабичевский констатирует также, что «в суতোлке столичной жизни он (Некрасов) редко брался за перо. Не до то-

го ему было в это время среди обедов, ужинов, карточных турниров, литературных чтений и хлопот об издании журнала».

В воспоминаниях Ипполита Панаева (1822–1901), двоюродного брата И. И. Панаева, есть совершенно народническое (в то же время вульгарно-христианское) оправдание игры Некрасова в карты: «Много почитаемых и уважаемых людей играют в карты, и это не мешает им быть почитаемыми и именитыми в обществе. Клевета не касается их имени. По крайней мере, деньги, выигранные Некрасовым у людей, которым ничего не стоило проиграть, были употребляемы уже гораздо лучше, чем деньги, выигранные другими. На деньги Некрасова много поддерживалось неимущих людей, много развилось талантов, много бедняков сделалось людьми».

Настоящий эпитафией Некрасову могут служить слова, вписанные А. С. Сувориным в «Недельные очерки и картинки» (1878):

«Большой практик он был, – говорят о нём, – и стихи иногда хорошие писал, и в карты играл отлично. У него всё это вместе. (Передаю это в более мягкой форме, чем говорилось о нём иногда)».

В XX в. официальное литературоведение не мытьём, так катаньем старалось оправдать «картёж» Некрасова, тем более что, как пишет В. Т. Шаламов в «Четвёртой Вологде»: «Стихи отец не то, что презирал – некрасовский уровень считал наивысшим. Некрасов – кумир русской провинции,

и в этом отношении отец не отличался от вкусов русской интеллигенции того времени». Шаламов добавляет: «...но Некрасов ведь поэт-прозаик, лишённый многого, что было у Пушкина». Оставляя в стороне вопрос о том, что, быть может, по выражению Тургенева, в стихах Некрасова «поэзия не ночевала», приходится отметить, что едва ли не вся постнекрасовская русская поэзия, в первую очередь лирика Александра Блока, хоть разок, да «переночевала» в Некрасове.

Для истории же русских карточных игр XIX в. Некрасов – одна из ключевых фигур; к тому же Некрасов был одним из немногих писателей, у которых игра и творчество проникали друг в друга, обогащались и обогащали потомков, и в ряду русских писателей-картёжников ему принадлежит одно из самых первых, одно из самых почётных мест.

Очерк написан Евгением Витковским специально для книги Дмитрия Лесного «Русский преферанс». В Приложении «Литературные произведения» приводятся «Преферанс и Солнце» и «Одно из тысячи средств нажать огромное состояние».

Толстой, Лев Николаевич

(1828–1910) граф, великий русский писатель. Известно, что Лев Толстой в годы своей юности часто играл в карты и много проигрывал. Вероятно, страсть к азартной игре досталась ему по наследству. Отец Льва Николаевича, Николай Ильич, изображён довольно близко к действительности в «Детстве» и «Отрочестве» в лице отца Николиньки; в «Войне и Мире» – в лице Николая Ростова. Вот что сообщает об увлечении отца и сына картами Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона:

В чине подполковника павлоградского гусарского полка Николай Ильич принимал участие в войне 1812 г. и после заключения мира вышел в отставку. Весело проведя молодость, Ник. Ильич проиграл огромные деньги и совершенно расстроил свои дела. Страсть к игре перешла и к сыну, который, уже будучи известным писателем, азартно играл и должен был в начале 60-х годов ускоренно продать Каткову «Казаков», чтобы расквитаться с проигрышем. Остатки этой страсти и теперь ещё видны в том чрезвычайном увлечении, с которым Н. И. отдаётся лаун-теннису. Чтобы привести свои расстроенные дела в порядок, Николай Ильич, как и Николай Ростов, женился на некрасивой и уже не очень молодой княжне Волконской. Брак, тем не менее, был счастливым. У них было четыре сына: Николай, Сергей, Дмитрий и Лев и дочь Мария.

В 1849 году Толстой проиграл дворянину Орлову 1200

рублей и попросил брата Сергея продать часть леса, чтобы расплатиться. Восьмого декабря 1850 года Толстой проиграл 4000 рублей В. И. Огарёву, сыну друга отца Толстого, своему соседу по поместью, восьмого июля 1851 года проиграл 850 рублей в долг офицеру Кнорингу, в 1852 году им было проиграно 750 рублей, из них 500 в долг. Об этом последнем проигрыше Толстой писал в письме Т. А. Ергольской (от 6.01.1852 года):

«Летом в Старом Юрте все офицеры только и делали, что играли и довольно крупно. Живя в лагере, нельзя не встречаться постоянно, и я часто присутствовал при игре, но, как меня ни уговаривали принять в ней участие, я не поддавался и крепко выдержал целый месяц. Но вот в один прекрасный день я шутя поставил пустяшную ставку и проиграл, ещё поставил и опять проиграл; мне не везло, страсть к игре всколыхнулась, и в два дня я спустил все свои деньги и то, что мне дал Николенька (около 250 р. сер.), а сверх того ещё 500 р. сер., на которые я дал вексель со сроком уплаты в январе 1852 года.

Нужно вам сказать, что недалеко от лагеря есть аул, где живут чеченцы. Один юноша (чеченец) Садо приезжал в лагерь и играл. Он не умел ни считать, ни записывать, и были мерзавцы офицеры, которые его надували. Поэтому я никогда не играл против него, отговаривал его играть, говоря, что его надувают, и предложил ему играть за него... Садо позвал меня к себе и предложил быть кунаком... После моей глупейшей

игры в Старом Юрте я карт не брал в руки, постоянно отчитывал Садо, который страстный игрок и, не имея понятия об игре, играет удивительно счастливо.

Вчера вечером я обдумывал свои денежные дела, свои долги и как мне их уплатить. Долго раздумывая, я пришёл к заключению, что, ежели буду жить расчётливо, я смогу мало-помалу уплатить все долги в течение двух или трёх лет, но 500 р., которые я должен был уплатить в этом месяце, приводили меня в совершенное отчаяние. Уплатить я их не могу, и это меня озабочивало гораздо больше, чем во время оно долг в 4 тысячи Огарёву.

Наделать долгов в России, приехать сюда и опять задолжать, меня это приводило в отчаяние. На молитве вечером я горячо молился... «Помоги мне, господи», – сказал я и заснул... Утром я получаю письмо от Николеньки вместе с вашим и другими – он мне пишет: «На днях был у меня Садо, он выиграл у Кноринга твои векселя и привёз их мне. Он так был доволен этому выигрышу, так счастлив и так много меня спрашивал: „Как думаешь, брат рад будет, что я это сделал“... и как трогательна преданность Садо... пожалуйста, велите купить в Туле мне шестиствольный пистолет и прислать мне вместе с коробочкой с музыкой... такому подарку он будет очень рад».

В 1854 году Толстой снова проиграл 3000 рублей, а в 1855 году – 2800 рублей. В 1857 году 12–16 июля в Баден-Бадене

не Толстой проиграл в рулетку все свои деньги – 3000 франков, телеграфировал Некрасову и написал письмо Тургеневу с просьбой одолжить денег, а получив деньги от Тургенева, проиграл их и записал в дневнике: «Давно так ничто не грызло меня».

В 1862 году 7 февраля Толстой проиграл в карты 1000 рублей серебром в долг. Он попросил у издателя М. Н. Каткова денег для уплаты долга с обещанием написать за это «Кавказский роман». После этого случая были написаны «Казачьи». В письме к В. П. Боткину Толстой писал об этом событии:

«...подумавши здраво, очень рад, ибо иначе роман бы этот, написанный гораздо более половины, пролежал бы вечно и употребился бы на оклейку окон».

Игра в карты очень сильно увлекала Толстого. Он описал в своём дневнике, что четыре дня играл сам с собою в штосс, стараясь вывести правило игры (понять тайный ход мастей – ДЛ). Тётка Толстого Т. А. Ергольская писала ему письма, в которых умоляла бросить «проклятую страсть». Поэт А. А. Фет записал рассказ Тургенева о пристрастии Толстого к картам:

«Вернулся из Севастополя с батареи, остановился у меня и пустился во вся тяжкая. Кутежи, цыгане и карты во всю ночь; а затем до двух часов спит как убитый. Старался удерживать его, но теперь махнул рукой».

По свидетельству самого Толстого, проигрыш 1862 года был последним проявлением «страсти к игре». Ни в письмах, ни в дневниках Толстого после 1862 года игра больше не упоминается.

В своих произведениях Толстой часто касался темы карточной игры. В повести «Два гусара» под именем графа Турбина он описал Толстого-Американца, своего дядю и выдающегося игрока. Толстой-Американец описан в романе «Война и мир» в образе Долохова. Толстой хорошо играл в бильярд. Игра на бильярде описана им в рассказе «Записки маркёра».

В книге «Русский преферанс» опубликован очерк Евгения Витковского об игроцких увлечениях Льва Николаевича:

«... граф, писатель, «зеркало русской революции» и отчасти азартной игры. Играть в азартные игры начал, видимо, в 1848 г.: в письме от 26 декабря того же года к Т. А. Ергольской написал: *«Я распустился, пустившись в светскую жизнь»*. Первый крупный проигрыш имел место в начале 1849 г., последний – в начале 1862 г., когда издатель Катков ссудил Толстому 1000 рублей серебром под обещание закончить «Кавказский роман».

Об отношении к игре Толстого короче всего сказал писатель-эмигрант В. Яновский: «Толстой и Достоевский – такие разные, а отношение к картам почти одинаковое». Огром-

ные проигрыши Достоевского общеизвестны; менее известна запись Толстого, сделанная 28 января 1855 г. в Севастополе, чуть ли не под обстрелом; он описывает то, чем занимался накануне: «Игра в карты (в штосс) с самим собою, чтобы вывести правила игры (игрокам в штосс такая практика должна быть знакома: Лев Николаевич пытался понять закономерность, постичь «тайный ход мастей», возможно, найти свои «заветные» карты, т. е. те, которые чаще выигрывают). Толстой проигрывал деньги также и в рулетку, и на китайском биллиарде; сколько-нибудь крупные его выигрыши не известны.

В коммерческие игры Толстой, видимо, не играл, однако с преферансом был знаком достаточно хорошо; герои рассказов «Севастополь в мае» (26 июня 1855 г.) и «Севастополь в августе 1855 года» (27 декабря 1855 г.) то вспоминают, как «они, бывало, в кабинете составляли пульку по копейке», то стыдливо сознаются, что «да и в преферанс мы играли», в результате чего «оказалось, что Козельцов-второй, с преферансом и сахаром, был должен только восемь рублей офицеру из П. Старший брат дал их ему, заметив только, что эдак нельзя, когда денег нет, ещё в преферанс играть!» Преферанс упоминается также в более раннем рассказе «Записки маркёра»: «А наверху у нас в карты играли господа. Сначала преферансик, а там, глядишь, – любишь не любишь пойдёт» (т. е., очевидно, штосс). Игра в преферанс, как и в более поздние времена, служила прелюдией настоящих азарт-

ных игр.

Ю. М. Лотман в главе «Карточная игра» (Беседы о русской культуре. СПб., 1994 г.) помещает подробную сноску, характеризующую стиль игры Льва Толстого:

«Часто... в куче карт на полу валялись и упавшие деньги, как это, например, имело место во время крупных игр, которые азартно вёл Н. Некрасов. Подымать эти деньги считалось неприличным, и они доставались потом лакеям вместе с картами. В шутливых легендах, окружавших дружбу Толстого и Фета, повторялся анекдот о том, как Фет во время карточной игры нагнулся, чтобы поднять с пола небольшую ассигнацию, а Толстой, запалив у свечи сотенную, осветил ему, чтобы облегчить поиски».

Если эта история не легендарна, то она могла иметь место в 1856–1862 гг., т. е. между датами знакомства Фета и Толстого и прекращением «игры» Толстого. В пользу правдивости этой истории говорит то, что именно так вёл себя Лев Толстой, играя в азартные игры типа штосса; против – то, что в фольклоре имена участников «события» неоднократно подменялись, вплоть до «игры... А. Н. Толстого с И. Е. Репиным» (!).

Особняком для истории преферанса в России стоит в творчестве Льва Толстого повесть «Два гусара» (1856). Под именем «старшего гусара», графа Фёдора Ивановича Турбина в повести изображён Федор Иванович Толстой (1782–

1846), так называемый «Толстой-Американец»; в первой части повести он ведёт себя как вполне исторический прототип: бьёт смертным боем шулера Лухнова («защищает обыгранного шулером мальчика-офицера Ильина». – Ю. М. Лотман), швыряет деньги сотнями на гитару цыгану Илюшке, мордует собственного денщика за некормленного «меделянского» кобеля Блюхера, всерьёз пленяет сердце «вдовушки Анны Фёдоровны», а игра одна – любишь не любишь, т. е. штосс или одна из его разновидностей.

Если первая глава начинается расплывчатой датой «В 1800-х годах...» – то девятая содержит в начале совершенно точную дату: «В мае месяце 1848 года...», т. е. Толстой откровенно подтасовывает даты: прошло никак не 20 лет, но едва ли не 40, – что для повести не очень важно, однако важно для преферанса (1840-е годы – расцвет петербургского преферанса), а также для того, чтобы оправдать фразу: «Граф Фёдор Турбин уже давно был убит на дуэли» («Толстого-Американца» в 1848 г. уже два года как не было в живых).

Если в первой части повести бушуют сильные страсти, то вторая в подробностях пародирует события первой: Турбин-младший не считает зазорным выиграть у старушки Анны Фёдоровны десять рублей; слугу обзывают дураком за невычищенный халат; наказывают кошку; ночное ухаживание Турбина-младшего за дочерью Анны Фёдоровны, Лизой, выглядит как анекдот, – ну, а из игр в старушечьей гостиной

царит преферанс, описываемый Толстым как игра совершенно копеечная.

Лотман пишет:

«Благовоспитанный, блестяще образованный Турбин-сын слишком расчётлив, чтобы играть в азартные игры. Затеваётся игра в преферанс, и младший Турбин предлагает „очень весёлую“, но неизвестную старикам-провинциалам разновидность преферанса... Граф, по привычке играть большую коммерческую игру, играл сдержанно, подводил очень хорошо. Столичный щёголь с невозмутимым эгоизмом обыгрывает старушку, не понимающую введённых им новых правил игры».

Уже в самом выражении «большая коммерческая игра» сквозит ироническое отношение Толстого к преферансу. В эту степенную игру в 1840-е годы деньги тысячами ещё не проигрывались: для этого существовали штосс и другие азартные игры. Турбин-младший обманул старушку не тем, что заставил стариков играть в «неизвестную старикам-провинциалам разновидность преферанса», а тем, что почти по-шулерски сменил во время игры исходную ставку, – напомним, что именно шулеру в своё время набил морду Турбин-старший. Однако формула, приводимая Лотманом в конце статьи, совершенно точна: «Азартная игра становится воплощением преступных, но и поэтических черт уходящей эпохи, а коммерческая – бессердечной расчётли-

ности наступающего «железного века».

Литература: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона; Гусев. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого; Лев Толстой. Письма 1845–1862. Лев Толстой. Два гусара. Лев Толстой. Записки маркёра.

**Белинский, Виссарион
Григорьевич**

(1811–1848) «могучий критик-поэт» (выражение В. А. Панаева); «он знал мало, и в этом нет ничего удивительного» (слова И. С. Тургенева); «этот симпатичный неуч» (характеристика, данная Белинскому В. В. Набоковым в романе «Дар» и не пропущенная в печать в довоенном парижском журнале «Современные записки» одним из редакторов, М. В. Вишняком). Если современного читателя трудно представить всерьёз заинтересованным публицистикой Белинского, то каждый преферансист должен помнить его имя: Белинский не может быть забыт как едва ли не первый в России писатель, отдавший преферансу всё свободное время.

Даже Ю. Оксман в своей «Летописи жизни и творчества В. Г. Белинского» (М., 1958) нехотя пишет: «1842; ноябрь – декабрь. Белинский, изнывая от непосильной работы и одиночества, пытается в свободное время забыться игрой в преферанс».

И. С. Тургенев, один из партнёров Белинского по игре, вспоминает: «Играл он плохо, но с тою же искренностью впечатлений, с тою же страстностью, которые ему были присущи, что бы он ни делал!» Весной 1842 г. Белинский окончательно переехал в Петербург, 15 октября того же года поселился в одном доме с Панаевыми. А. Я. Панаева вспоминает:

«Белинский никуда не ходил в гости... Вечером, часов в 10, приходил к нам играть в преферанс, к которому

сильно пристрастился, очень горячась за картами. Он всё приставал ко мне, чтобы я также выучилась играть в преферанс.

– Гораздо лучше играть с нами в преферанс, чем всё читать вашу Жорж-Занд, – твердил он...

– Мы и так с вами бранимся, а за картами просто подерёмся, – отвечала я. – К тому же вам вредно играть в преферанс, вы слишком волнуетесь, тогда как вам нужен отдых.

– Мои волнения за картами – пустяки».

Самое подробное описание игры Белинского оставил К. Д. Кавелин (написано в 1874 г., впервые опубликовано в 1899 г.) – также один из постоянных участников кружка преферансистов в доме И. И. Панаева:

«Игроком он никогда не был... Белинский становился свободным и приходил почти каждый день к нам, иногда к обеду, но чаще всего после обеда – играть в карты. Кроме нас, он хаживал вечерами на пульку к Вержбицкому (Имеется в виду П. В. Вержбицкий, майор корпуса горных инженеров, свидетель со стороны жениха на венчании Белинского), кажется, военному и женатому, о котором мы не имели понятия.

П. В. Анненков говорил мне, что там Белинского обыгрывали наверное. Источники этого рассказа мне совершенно неизвестны... Так как друзья Белинского знали, что он почти каждый вечер проводит у нас, то приходили к нам, и таким образом квартира наша мало-помалу обратилась в клуб... Каждый вечер кто-

нибудь из друзей забежал хоть на минуту повидаться с Белинским, сообщить новость, переговорить о деле.

Как только приходил Белинский после обеда – тотчас же начиналась игра в карты, копеечная, но которая занимала и волновала его до смешного. Заигрывались мы зачастую до бела дня. Тютчев (Н. Н. Тютчев (1815–1878)) играл спокойно и с переменным счастьем; я вечно проигрывал; Кульчицкому счастье валило всегда чертовское, и он играл отлично. Белинский плёл лапти, горячился, ремизился страшно и редко кончал вечер без проигрыша.

На этих-то карточных вечерах, увековеченных для кружка брошюрой Кульчицкого «Некоторые великие и полезные истины об игре в преферанс», изданной под псевдонимом

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.